ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №123

КЕМЕРОВО 2020

28 декабря 2020
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уловного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзуцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно–экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидиат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru
Подписано в печать 28.12.2020 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.
Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.
Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ…..……..……..……..……..…….3
Кумпель Е.Е.
2. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ…….……...……6
Хачиров Р.К., Кадырова Н.Н.
3. СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ СО СМЕЖНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ И СПОСОБЫ ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ……..……...9
Туманова М.Н.
4. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ ……..……..…….....14
Туманова М.Н., Новокшонова Н.А.
5. ДОГОВОР ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОД УСТУПКУ ДЕНЕЖНОГО ТРЕБОВАНИЯ.....19
Ваулин Д.А.
6. СУРРОГАТНЫЙ ТУРИЗМ…….……..……...23
Ерохина Е.В., Канзафарова Э.Р.
7. ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ……..……..27
Мыслывая А.А,
8. ОПЕРАТИВНО – РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА…….31
Елкина А.Д.
9. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ……..…35
Гребенщикова К.И
10. СЕРВИТУТ В СИСТЕМЕ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ……..……..……..…38
Синяева А.А., Томилов А.Ю.
11. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА…….……43
Бонковский С.С.
12. РОЛЬ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ ……46
Мосиянова М.Ю., Хомутецкий В.О.
13. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….…….……49
Хачиров Р.К.
14. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА, КАК ОДНОЙ ИЗ ОТРАСЛЕЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА……..…….…….……53
Мусаева А.Г.
15. ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА…….…….…….……56
Мусаева А.Г.

Кумпель Екатерина Евгеньевна
Kumpel Ekaterina Evgenievna
Магистрант ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 343.352

ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

DEFINITION OF CORRUPTION CRIMES IN THE INTERNAL AFFAIRS SYSTEM

Аннотация: В статье раскрываются причины и условия, способствующие совершению сотрудниками органов внутренних дел коррупционных деяний. Проанализированы мнения авторов о классификации причин и условий коррупции в органах внутренних дел.

Abstract: The article reveals the reasons contributing to the commission of corruption acts by internal affairs officers. The authors analyzed the classification of causes and opinions about corruption in the internal affairs bodies.

Ключевые слова: органы внутренних дел, коррупция, коррупционные правонарушения, коррупционные преступления, причины коррупции, условия совершения коррупции.

Key words: internal affairs bodies, corruption, corruption offenses, corruption crimes, causes of corruption, conditions for committing corruption.

Коррупция, являясь правовой проблемой, в равной мере касается как государственной власти, так и каждого члена общества в отдельности. Для государственной власти рассматриваемая проблема приобретает особое значение, поскольку одним из главных негативных последствий ее нерешенности является потеря правом своего исходного социального предназначения.

В органах внутренних дел коррупция по своей структуре воспроизводит практически весь спектр коррупционных правонарушений, предусматриваемых Федеральным законом «О противодействии коррупции», а именно: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды, в том числе все указанные деяния, выполняемые в интересах других лиц. В связи с чем причинный комплекс коррупционной преступности в органах внутренних дел обладает довольно широким перечнем, который изучали и продолжают изучать значительное число ученых, в том числе ведомственных образовательных организаций.

Проводя анализ детерминации коррупционной преступности профессор Ю.М. Антонян [1, 334 - 340] выделяет следующие три фактора: экономические, политические и психологические.

В качестве экономических причин выделяются инфляционные процессы, проникновение криминальных элементов в законное предпринимательство, низкие заработные платы должностных лиц на местах, отсутствие нормального функционирования и равноправия в рыночных отношениях. Данные обстоятельства создают условия для ведения бизнеса незаконным путем, в том числе подкупа органов полиции в целях устранения конкурентов.

В числе политических причин называется раздутый чиновничий аппарат, проникновение в органы государственной власти и в органы местного самоуправления преступных элементов, коррупция в правоохранительных органах и др.

Психологические причины определяют мотивацию к коррупционному поведению, создают общие межличностные взаимоотношения между коррупционерами, способствующие взаимной выручке и сокрытию преступлений.

Изучая причины и условия коррупции в органах внутренних дел, другие авторы пришли к следующим выводам. Казаченкова О.В. основной из указанных причин называет недостаточную организованность и структурное построение федеральных органов исполнительной власти, которое формирует дублирование должностных обязанностей, а также снижает уровень реализации антикоррупционного поведения сотрудников [5, с. 24]. Собочкин В.М. рассматривая причины взяточничества выделил объективные и субъективные факторы, к последним, например, он относит такие личные качества как жадность или корысть, пример коллег по службе, слабая психологическая

устойчивость сотрудников при возникновении коррупционных рисков, а также чувство безнаказанности, обусловленное особым правовым статусом, к примеру, судей [6, с. 34]. Гуреев И.С. ко вторичным причинам коррупции в правоохранительных органах наряду с низким уровнем заработных плат относит и неудовлетворительную кадровую политику [4, с. 13].

В зависимости от сфер проявления причины коррупции в органах внутренних дел Багмет М.А. классифицировал их следующим образом [2, с. 57]:

1) в политической сфере - отсутствие антикоррупционных программ на длительный период, в том числе в деятельности ОВД;

2) в правовой сфере: недостаточная регламентированность в ведомственных нормативных актах ОВД выявления, профилактики и предупреждения коррупции среди сотрудников; несовершенство действующего законодательства в части противодействия коррупции в ОВД;

3) в служебной деятельности: несовершенство кадровой политики в ОВД; отсутствие принципиальности и последовательности руководителей ОВД всех уровней в отношении своих подчиненных, заподозренных в коррупции; волокита и халатность при проверке сообщений о коррупционных деяниях сотрудников ОВД; отсутствие ротации руководителей подразделений ОВД, особенно высшего уровня; наличие "кумовства", "местничества", "землячества" в ОВД; отсутствие общественного контроля за деятельностью сотрудников ОВД;

4) в социальной сфере: проблемы с обеспечением жильем; отсутствие законодательной компенсации за службу в выходные и праздничные дни, а также за переработку; проблемы с обеспеченностью детей сотрудников ОВД местами в детских садах;

5) в идеологии: отсутствие антикоррупционного обучения в ОВД; негативное общественное мнение о службе в ОВД и ее сотрудниках.

Одной из наиболее значимой внутренней причиной коррупции в правоохранительных органах является несвоевременное реагирование руководителей и личного состава на коррупционные проявления. Зачастую вполне очевидные признаки коррупции остаются без должного внимания, так как среди сотрудников сложились своеобразные межличностные отношения, которые можно охарактеризовать одним понятием «профессиональная деформация» и выражаются в следующих проявлениях:

- дружеские, товарищеские отношения, которые не позволяют оглашать ставшие известным им сведения о совершении коррупционного преступления;
- нежелание вмешиваться в дела других сотрудников ограничиваясь только своими должностными обязанностями;
- сотрудники, имеющие мнение о том, что неправильно сообщать кому-либо о противоправном поведении другого сотрудника, то есть «стучать на своих»;
- негласная поддержка коррупционеров и оправдание их действий;
- коллективное изменение отношения к другим людям, возникшее в результате исполнения властных полномочий, к окружающему миру, гражданскому населению и выполнению своих служебных обязанностей.

Данные межличностные отношения формируются в связи с низким уровнем формирования антикоррупционного поведения в подразделениях органов внутренних дел. Поэтому данное направление деятельности является наиболее важным средством предупреждения коррупции в правоохранительных органах, так как такие преступления не остаются незамеченными среди коллег по службе.

Обращая внимание на вышеуказанный фактор следует привести выводы Т.Г. Татидинова и Н.Ю. Галкина [7, с. 175-182], которые пришли к выводу, что профессиональная деформация является неизбежной составляющей профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Данные авторы выделяют три уровня (этапа) развития профессиональной деформации: начальный, средний и глубинный.

Начальный этап (ориентировочно первые пять лет профессиональной деятельности) характеризуется появлением признаков профессионального утомления, снижением работоспособности, возникновением эмоциональной напряжённости.

Средний, промежуточный этап (примерно следующие пять лет профессиональной деятельности) формирует признаки неудовлетворённости собой и себя в профессии. Возникающий внутренний дискомфорт стимулирует поиск форм психологической защиты.

Глубинный уровень развития профессиональной деформации (очередные пять лет службы)

сопровождается дальнейшим накоплением отрицательных эмоций (гнев, обида, тревога), возникает профессиональный стресс, носящий деструктивный характер.

Крайней формой профессиональной деформации является профессиональная деградация, делающая невозможной дальнейшую службу в органах внутренних дел.

При этом причину возникновения профессионально-нравственной деформации сотрудников органов внутренних дел ряд авторов [3, с. 169] связывают не только с условиями и сложностями их профессиональной деятельности, но также с психологическим давлением среды, социума, сложившейся в нём коллективной психологии, действием законов социально-психологического характера. Внедрение в сознание общества приоритета материальных ценностей (ценностей низшего порядка), потребительской идеологии, гедонистических и эгоистически-престижных мотивов порождает эмоциональную неустойчивость, конфликт истинных и ложных ценностей, ослабляет правовой самоконтроль, создаёт условия для формирования психологии коррупционного поведения у носителей власти, включая сотрудников полиции.

Таким образом, проблема снижения уровня профессиональной деформации и качества формирования антикоррупционного поведения сотрудников и служащих органов внутренних дел является одной из ключевых причин коррупции в системе МВД России.

Библиографический список:

1. Криминология: учебник для бакалавров [Текст] / Ю. М. Антонян. –М.: Юрайт, 2012. – 523 с.
2. Багмет М.А. Причины и условия коррупционной преступности в органах внутренних дел [Текст] / М.А. Багмет // Российский следователь. –2019. –№ 12. – С. 56 - 59.
3. Гончарова Н. А., Кобозев И. Ю., Костылёва И. В. Психологические факторы коррупционного поведения сотрудников полиции [Текст] / Н.А. Гончарова, И.Ю. Кобозев, И.В. Костылева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3 (67). – С. 165 - 170.
4. Гуреев И.С. Анализ причин и факторов, порождающих коррупцию в правоохранительных органах [Текст] / И.С. Гуреев // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 6-19.
5. Казаченкова О.В. Коррупция как системная угроза национальной безопасности: проблемы противодействия и ликвидации [Текст] / О.В. Казаченкова // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 1. – С. 2450-2456.
6. Собочкин В.М. Коррупция в правоохранительных органах: анализ причин и поиск способов противодействия [Текст] / В.М. Собочкин // Ростовский научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 27-43.
7. Татидинова Т. Г., Галкина Н. Ю. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: теоретические аспекты [Текст] / Т.Г. Татидинова, Н.Ю. Галкина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3 (37). – С. 175 - 182.

Хачиров Расул Казбекович
Khachirov Rasul Kazbekovich
Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Кадырова Надежда Николаевна
Kadyrova Nadezhda Nikolaevna
Научный руководитель, доцент, к.ю.н.

УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF THE ORGANIZATION OF COUNTERING AN EXTREMIST CRIME

Аннотация: В статье рассмотрена актуальность вопроса противодействия преступлениям экстремистской направленности, проанализированы направления данного вида деятельности, а также краткая характеристика экстремистской преступности в Российской Федерации.

Abstract: The article examines the relevance of the issue of countering extremist crimes, analyzes the directions of this type of activity, as well as a brief description of extremist crime in the Russian Federation.

Ключевые слова: Противодействие экстремизму, общественная опасность экстремизма, меры противодействия экстремизму.

Key words: Counteracting extremism, social danger of extremism, measures to counter extremism.

В настоящее время экстремизм является угрозой для всех государств независимо от конституционного строя. Экстремизм проявляется как в виде возбуждения ненависти и вражды, так и организации незаконных вооруженных формирований.

Основываясь на данных официальной статистики, можно утверждать, что на территории Российской Федерации в период с 2014 г. по 2017 г. характеризуется увеличением данного вида преступности на 15,4 % (до 1034 преступлений), 28,5 % (до 1329 преступлений), 41,7 % (до 41,7 преступлений) и 5,6 % (до 1990 преступлений) соответственно. В 2017-2018 гг. уменьшилась регистрация преступлений экстремистской направленности (-16,8%, всего 1265 преступлений). Значительное снижения рассматриваемых преступлений зарегистрирован в 2019 году (–50,2 %, до 883 преступлений) [8]. Однако, несмотря не снижение статистических показателей, отмечается, что в разных формах и проявлениях такие преступления зафиксированы практически в каждом регионе России, при этом данные преступления обладают высокой степенью общественной опасности.

О необходимости жестко пресекать деятельность экстремистских группировок в России завилял Президент Российской Федерации В.В. Путин, отметив важность активизации превентивной работы, предупреждение конфликтов на этнической, религиозной почве, принятие решительных мер для выявления и наказания тех, кто пытается распространять идеологию агрессии, насилия, нетерпимости и прежде всего, в молодежной среде [1].

Противодействие экстремизму и терроризму в условиях современного многополярного мира требует проведения постоянной правовой работы по поддержанию в актуальном состоянии уголовно-правовых механизмов, которые являются одним из ключевых средств обеспечения национальной безопасности.

В российском законодательстве противодействие экстремизму определено в качестве одного из ключевых направлений в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2], Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [3], Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [4] и иных нормативно-правовых актах, однако многоаспектность проявления экстремистской деятельности, скоротечность ее изменений актуализируют проведение многоплановой работы правового характера в указанной сфере.

Благодаря принятию Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года определены основные направления государственной политики в сфере противодействия

экстремизму. При этом, с учетом сложившейся ситуации в России, речь идет о деятельности направленной на «объединение усилий органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей».

Повышает общественную опасность экстремизма и его организационный характер, который «свидетельствует о наличии системы общественных, политических или религиозных организаций, находящихся на различной идейной платформе, способствуют широкомасштабности и целенаправленности их деятельности, а организационная сплоченность - придает их действиям единый, системный характер» [5, с. 37].

Экстремистские сообщества и организации могут носить межнациональный и международный характер, в подтверждение этому наличие международных документов регулирующих вопросы взаимодействия по противодействию изучаемому явлению. Для экстремистских формирований характерно создание харизматического образа лидера, чьи распоряжения не подлежат обсуждению. Вместе с тем, лидеры экстремистских формирований могут поддерживать связи с представителями государственных и муниципальных структур, правоохранительных органов.

На сегодняшний день не существует единой, общепризнанной классификации экстремизма. Так как в связи с изменением общества меняются виды и формы его проявления. В научной литературе выделяют виды экстремизма по направленности: политический, религиозный, национальный, экономический, государственный, экологический, молодежный, левый, правый, экстремизм в Интернете. Также экстремизм может быть смешанного характера.

В нашей стране присутствует весь спектр экстремистских и террористических угроз, однако, благодаря принимаемым мерам, как со стороны государства, так и со стороны гражданского общества, их проявления не столь разрушительны, как мы это видим на Ближнем Востоке, в зоне Магриба, ряде стран постсоветского пространства.

Серьезной проблемой являются группы пользователей различных социальных сетей, которые поддерживают и распространяют нацистскую идеологию, разжигают социальную, расовую, национальную и религиозную рознь. Большинство из них зарегистрированы в иностранном сегменте Интернета.

Существует также множество русскоязычных иностранных Интернет ресурсов, содержащих информационно-пропагандистские материалы террористического характера. К ним, например, можно отнести сайты, пропагандирующие повсеместное установление Халифата, исполнение законов шариата, призывы к джихаду, преподносимому как необходимость вооруженной борьбы за установление основанных на исламе моральных и духовных ценностей.

Проявившие интерес к указанным ресурсам молодые люди впоследствии приглашаются на обучение в исламскую страну, где радикализируются и вовлекаются в террористическую деятельность.

Меры по противодействию экстремизма среди молодежи являются одним из направлений осуществления профилактических мер сотрудниками правоохранительных органов. Несмотря на развитие социальной политики, проблема противодействия экстремизму среди молодежи остается актуальной. Государственные меры противодействия экстремизму в настоящее время не являются эффективными на должном уровне. Необходимы применение конкретных мер и механизмов осуществления противодействия экстремизма в молодежной среде [6, с. 98].

Поэтому в настоящее время особое внимание уделяется непосредственно преступлениям экстремистской направленности совершаемых в сети Интернет, в связи с этим, оперативно-розыскная профилактика является одним из основных направлений пресечения преступлений экстремистской направленности. Прогресс информационно-коммуникационных технологий имеет не только положительные стороны, но и отрицательные, в частности он повлиял на деятельность криминальных структур. Сеть Интернет позволила осуществлять координацию и взаимодействие преступных организаций удаленно, обезличено и трансгранично, скрывая следы противоправной деятельности.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации активизировались радикальные движения, активно транслирующие экстремистские установки посредством Интернета и компьютерной коммуникации.

Распространение в сети Интернет определенной информации представляет серьезную угрозу безопасности личности и государства, и в первую очередь, это относится к публикации материалов экстремистского характера. В данной ситуации необходима организация информационного противоборства как особого направления деятельности правоохранительных органов.

Это позволит эффективно опровергать недостоверные сведения, распространяемые радикальными организациями, объективно освещать ситуацию, складывающуюся вокруг события, вызывающего общественный интерес и неоднозначную реакцию. Е. О. Кубякин считает, что «одной из основных проблем в противодействии распространению экстремистских идеологий в сети Интернет является отсутствие идеологического органа, занимающегося не пропагандой, а целенаправленной контрпропагандой» [7, с. 154].

В рамках оперативно-розыскной деятельности представляется необходимым повышать эффективность работы по организации информационного противодействия экстремистским и террористическим движениям.

Библиографический список:

1. Президент принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс] URL: http:// http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1. Ч. II. – Ст. 212.

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) [Текст] // Российская газета. – 2009. – 20 октября.

4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru/.

5. Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества. дис… канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Зубалова. – Н. Новгород, – 2013. – С. 37.

6. Сорокин, А. И. Принципы экстремизма в молодежной среде [Текст] / А.И. Сорокин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. – 2019. – № 1. – С. 98.

7. Кубякин О.Е. Преступления экстремисткой направленности: проблемы законодательства и праовприменения : автореф дис. … доктора юрид. наук / С.В. Борисов. – М., – 2019. – С. 154.

8. Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2014 г. Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2015 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2016 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2017 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2018 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2019 г . // [Электронный ресурс] Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/.

Туманова Мария Николаевна
Tumanova M.N.
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 347.4

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ СО СМЕЖНЫМИ ДОГОВОРНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ И СПОСОБЫ ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

RELATIONSHIP OF A SUPPLY CONTRACT WITH ADJACENT CONTRACTUAL CONSTRUCTIONS AND METHODS OF THEIR DISTINCTION

Аннотация: В статье анализируются проблемы, связанные с договором поставки. Проводится соотношение договора поставки со смежными договорными конструкциями. В качестве примеров используются арбитражные дела, делаются выводы.

Abstract: The article analyzes the problems associated with the supply contract. The relationship between the supply contract and adjacent contractual structures is carried out. Arbitration cases are used as examples, conclusions are drawn.

Ключевые слова: договор поставки, договор купли-продажи, договора розничной купли-продажи, договора мены, разграничение договора поставки

Keywords: supply agreement, sale and purchase agreement, retail sale and purchase agreements, barter agreements, delimitation of the supply agreement

На сегодняшний день законодательное регулирование правоотношений купли-продажи в коммерческих целях в первую очередь производится в соответствии с положениями главы 30 Гражданского кодекса РФ [2] (Далее – ГК РФ.

Следует отметить, что гражданское законодательство по своей природе предполагает свободу развития правоотношений между контрагентами, однако также предусматривает обязательные правила оформления таких правоотношений, а также круг законодательно закрепленных прав и обязанностей сторон. В отношении договора поставки существуют определенные законодательные требования, ориентируясь на которые стороны сделки должны оформлять свои правоотношения.

Анализ российского гражданского законодательства, в частности норм ГК РФ, регулирующего правоотношения, возникающие из договора поставки, а также исследование и обобщение современной судебной практики по данному вопросу позволил выявить не только правовые пробелы, но и противоречия норм, которые необходимо устранять путем принятия необходимых для этого законодательных новаций [1, с. 156].

В настоящее время договор поставки – достаточно распространенный вид предпринимательского обязательства, известный еще с древних времен.

Однако в юридической практике достаточно часто встречаются конфликтные ситуации с покупателями, вызванные неграмотными и непродуманными действиями при заключении договора поставки и соблюдении требований законодательства.

Для более полного изучения рассматриваемой темы в обязательном порядке необходимо рассмотреть вопросы разграничения договора поставки от других видов договоров. Данные обстоятельства вызывают значительные трудности в правоприменении, что связано с наличием противоречий при толковании норм права. В связи с этим только анализ признаков позволит определить конкретный вид договора как договора поставки [4, с. 273].

В первую очередь следует рассмотреть разграничение договора поставки и договора розничной купли-продажи. Так, к договору поставки применяются специальные нормы, содержащиеся в параграфе 3 главы 30 ГК РФ, а нормы, о купле-продаже используются субсидиарно. Критерием отграничения поставки от купли-продажи является предназначение товара не для личного использования (ст. 506 ГК РФ). Но если товар приобретается в розничной торговле, применяются специальные нормы о рознице (параграф 2 гл. 30 ГК РФ). Кроме того, нормы о поставке применяются к смешанным договорам, содержащим разнопорядковые обязательства, в соответствующей части [11].

Чтобы разграничить договор поставки от договора купли-продажи, следует обратить внимание на такой признак, как цель покупки: для договора поставки цель покупки не связана с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в то время как договор розничной купли-продажи заключается с целью приобрести товар для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Выделение цели как квалифицирующего признака договора поставки определяет специфическую регламентацию договора. Стороны договора поставки, в основном, являются предпринимателями, что свидетельствует о их профессиональной деятельности, в связи с чем они несут определенные риски и ответственность за свои действия в гражданском обороте» [13, с. 53]. Данные обстоятельства подразумевают самостоятельность их действий и саморегулирование отношений с помощью договора. Общей целью для сторон договора поставки является получение систематической прибыли с учетом определенных в договоре существенных условий.

Изучение квалифицирующих признаков договора поставки позволяет утверждать, что понятие договора поставки раскрывается в ст. 506 ГК РФ и его основным признаком, характеризующим как отдельный вид договора купли-продажи, является цель, с которой стороны заключают данный договор.

Правильная квалификация договора в некоторых случаях имеет важнейшее практическое значение, влияя, в частности, на размер и условия наступления ответственности сторон по договору. В теории отмечается, что «при разграничении договоров поставки и контрактации нужно учитывать профессиональную деятельность продавца и вид подлежащих передаче товаров. Продавцом по договору контрактации является производитель сельскохозяйственной продукции. Контрактируется при этом будущая сельскохозяйственная продукция, подлежащая выращиванию или производству и не прошедшая переработку» [14, с. 84].

Необходимо также провести отграничение договора поставки от договора подряда. В материалах судебной практики можно встретить случай, когда заключенный между сторонами договор поставки суды определили, как смешанный, содержащий элементы поставки и подряда. При этом, суды первой и апелляционной инстанции посчитали, что заключенный сторонами договор поставки в части обязательства по изготовлению коробов содержит элементы договора подряда, тем самым неверно квалифицировав договор как смешанный и применив к отношениям сторон нормы ГК РФ о договоре подряда и поставки.

Так, из Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 ноября 2015 г. № Ф08-7754/15 по делу № А32-39506/2014 [10] следует, что поставщик обязался изготовить определенный эксклюзивный товар для покупателя, хотя и находящийся в пределах обычной экономической деятельности поставщика.

Договор поставки не является смешанным. Он содержит элементы только договора поставки изготовленной продукции. В случае поставки товар производится или закупается поставщиком, а подряд охватывает не только результат работ как таковой, но и процесс их выполнения. Именно по этой причине правовое регулирование договора подряда включает в себя процесс выполнения работ и этим он отличается от поставки.

Кроме того, договор подряда заключается на изготовление вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику. По общему правилу работа выполняется силами и средствами подрядчика из материалов заказчика, если иное не предусмотрено в договоре.

Предметом договора подряда является изготовление индивидуально-определенного изделия. А предметом договора поставки обычно выступает имущество, характеризуемое родовыми признаками [10].

Отличительными признаками, позволяющими отграничить договор энергоснабжения от договора поставки являются цель подачи электрической или тепловой энергии и субъекты договора. Субъектом договора электроснабжения может выступать гражданин, которому энергоресурсы подаются через присоединенную сеть для бытового назначения, тогда как конструкция договора поставки не может быть применена при продаже товаров в целях, связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием. Этот же признак можно использовать, чтобы отграничить договор поставки газа для производственных нужд от договора подачи газа гражданам для бытового потребления, который в соответствии со ст. 548 ГК РФ регулируется нормами о договоре энергоснабжения. «Кроме того, одной стороной в договоре энергоснабжения, как правило, является потребитель (абонент), и стороны обладают правом взаимного контроля в процессе

исполнения договора. Условия договора энергоснабжения (его содержание) существенно отличаются от договора поставки» [5, с. 38].

Отношения сторон по поставке товаров могут быть урегулированы договором поставки для государственных или муниципальных нужд. В соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8] поставка товаров для государственных или муниципальных нужд осуществляется на основе государственного или муниципального контракта на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, а также заключаемых в соответствии с ним договоров поставки товаров для государственных или муниципальных нужд.

Определение данного вида договора в законодательстве выражает переход к рыночным принципам во взаимоотношении между предпринимателями и государством. Поставки товаров для государственных или муниципальных нужд закреплены и регулируются нормами параграфа 4 главы 30 ГК РФ, а также федеральными законами: Федеральный закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13.12.94 № 60-ФЗ [9], Федеральный закон «О государственном материальном резерве» от 29.12.94 № 79-ФЗ [7] и др. К договорам поставки для государственных и муниципальных нужд по общему правилу применяются нормы о договоре поставки, если иное не предусмотрено специальными законодательными актами, регулирующими данный вид отношений. Некоторые исследователи при комплексном анализе договора поставки и поставки товаров для государственных и муниципальных нужд выделяют ряд отличительных черт последнего:

- характерный субъектный состав;
- особое целевое назначение поставляемых товаров;
- определенный порядок заключение договоров.

В данном контексте договор поставки товаров для государственных или муниципальных нужд, также как и договор поставки, является договором, регулирующим общественные отношения по поставке товаров, но при этом имеет довольно существенные отличия от обычного договора поставки, главными из которых являются: субъектный состав – поставщик и государственный или муниципальный заказчик (ст. 526 ГК РФ), целевое назначение поставляемых товаров – удовлетворение государственных или муниципальных нужд и порядок заключения договора (ст. 525, 527 – 529 ГК РФ).

При рассмотрении вопроса отграничения договора поставки от иных форм договоров невозможно обойти проблемы разграничения от договора мены.

При соглашениях о поставки товаров друг другу стороны в ряде случаев заключают договора «о взаимных поставках». Этот термин не предусмотрен действующим законодательством, однако употребляется в обыденной практике. Правоотношения по договорам о взаимных поставках в обязательном порядке регулируются нормами параграфа 3 главы 30 ГК РФ. Существенное содержание подобных договоров базируется на статье 506 ГК РФ. Из этого следует, что договор о взаимных поставках, так же как договор поставки, обязан содержать взаимные денежные обязательства, имеющиеся в наличии у каждой из сторон, которые одновременно выступают поставщиками и покупателями [3, с. 38].

По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой (п. 1 ст. 567 ГК РФ). Данное определение договора мены не содержит какие-либо денежные обязательства между сторонами договора. Договор мены и договор взаимной поставки схожи в том, что к ним могут применяться общие положения о договоре купли-продажи, если это не противоречит правилам, специально предусмотренным для договора мены (п. 2 ст. 567 ГК РФ) или для договора поставки.

При включении в договор условия об использовании факта взаимозачета приводит к определению способа прекращения каких-либо денежных обязательств, указанного статьей 410 ГК РФ. Согласно данной статьи обязательство прекращается полностью или частично путем зачета встречного однородного требования, срок которого наступил, либо срок, которого не указан или определен моментом востребования.

Так, например, Ю.В. Романец поддерживает позицию о квалификации договора о «встречных поставках, как договора купли-продажи, а не мены при наличии указания на зачет встречных однородных требований (ст. 410 ГК РФ) [12, с. 70]». Так в пункте 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 года № 18 отмечается возможность данного зачета.

Прослеживается некоторая сложность в том, является ли договором поставки договор, по которому встречные поставки обусловлены друг другом, а также когда встречная поставка без другой поставки невозможна, но при этом если в нем указан взаимозачет денежных обязательств. Исследователи полагают, что независимо от того, какая форма расчетов предусматривается договором, одно только указание в нем на денежный эквивалент определяет наличие денежного обязательства, из чего следует, что имеет место договор поставки.

В сущности, данный договор о взаимных поставках это видоизмененный зачетом встречных однородных требований разновидностью договора типовой поставки товаров. При этом изменению подвержены два договора поставки, заключенные одними и теми же сторонами, выступающими одновременно как поставщики и покупатели [6, с. 111].

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. В юридической литературе существуют различные мнения о понятии договора поставки, что обусловливается наличием в нем специфики содержания и субъекта состава. Договор поставки является разновидностью договора купли-продажи, направленный на регулирование правоотношений между профессиональными предпринимателями в ходе систематической реализации товаров. Договор поставки направлен на возмездное передачу товара, в связи с чем его целью является получение материальной выгоды.

2. При квалификации договора поставки возникают определенные проблемы. Рассматривая конкретные правоотношения сторон сделки, не всегда просто отграничить договор поставки от смежных договорных конструкций (в частности, от иных видов купли-продажи).

Исходя из этого, предлагается выделить следующие критерии, позволяющие отграничить договор поставки от иных гражданско-правовых договоров:

- субъектный состав (поставщик, осуществляющий предпринимательскую деятельность);
- предмет (товары для использования в предпринимательской деятельности);
- по договору поставки оплата осуществляется либо по мере реализации товара, либо при получении товара;
- отличие по срокам: время заключения договора поставки и его реальное исполнение не совпадают.

Библиографический список:

1. Александров А. С. К вопросу о существенных условиях договора поставки // Молодой ученый. 2019. № 14. С. 155-158. URL: https://moluch.ru/archive/252/57903/ (дата обращения: 18.10.2020).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ от 29 января 1996 г. 29 января. № 5. Ст. 410.

3. Жуков А.В., Скворцов А.В. Договор поставки и ответственность по нему // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2008. № 3. С. 31-40.

4. Иванов Н.В. Заключение договора поставки: правовые аспекты // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 273.

5. Клейн Н.О. Договор поставки // Законодательство и экономика. 2012. № 7-8. С. 38.

6. Луговая Д.Н. Анализ договора поставки по Гражданскому кодексу Российской Федерации // Актуальные вопросы юридической науки и практики: материалы II Межвузовской научно-практической конференции. Краснодар, 2014. С. 111.

7. О государственном материальном резерве: Федеральный закон от 29.12.1994 № 79-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета от 17 января 1995 г. № 11-12.

8. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета от 12 апреля 2013 г. № 80.

9. О поставках продукции для федеральных государственных нужд: Федеральный закон от 13.12.94 № 60-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета от 21 декабря 1994 г. № 247.

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 ноября 2015 г. № Ф08-7754/15 по делу № А32-39506/2014 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40587011/ (дата обращения: 29.10.2020).

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.11.2018 по делу № А60-151/2018 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

12. Романец Ю.В. Обязательство поставки в системе гражданских договоров // Вестник

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 12. С. 70.

13. Свеженцева Н.П. Свобода договора как индикатор развития гражданского законодательства в Российской Федерации // Бизнес в законе. 2011. № 1. С. 53.

14. Скяева С.Р. Особенности правового регулирования отношений контрактации и проблемы разграничения договора поставки и договора контрактации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3. С. 84.

Туманова Мария Николаевна
Tumanova M.N.
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Новокшонова Н.А.
Novokshonova N.A.
Научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 347.751.7

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF A SUPPLY CONTRACT

Аннотация: В статье проводится научная дискуссия относительно понимания договора поставки. Автор на основе анализа мнений ученых предложил свое авторское определение договора поставки.

Abstract: The article provides a scientific discussion regarding the understanding of the supply contract. Based on the analysis of scientists' opinions, the author proposed his own definition of a supply contract.

Ключевые слова: договор поставки, ГК РФ, гражданское законодательство, совершенствование норм ГК РФ

Keywords: supply agreement, Civil Code of the Russian Federation, civil legislation, improvement of the norms of the Civil Code of the Russian Federation

Законодательное понятие договора поставки содержится в ст. 506 Гражданского кодекса РФ [2] (Далее – ГК РФ) и определяется как «договор купли-продажи, в соответствии с которым продавец (поставщик), осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки, производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием».

В юридической литературе существуют различные мнения о понятии договора поставки, что обусловливается наличием в нем специфики содержания и субъектного состава. Договор поставки является разновидностью договора купли-продажи, направленный на регулирование правоотношений между «профессиональными» предпринимателями в ходе систематической реализации товаров. Договор поставки направлен на возмездную передачу товара, в связи с чем, его целью является получение материальной выгоды.

Исследованием данных правоотношений занимались цивилисты дореволюционного периода. Так, Г.Ф. Шершеневич определял договор поставки как «Совокупность юридических отношений, охватываемых на Западе одним понятием купли-продажи, у нас разлагается на три вида по едва уловимым признакам, а именно: на куплю-продажу в тесном значении этого слова, запродажу и поставку» [19, с. 327].

В теории гражданского права отмечаются и более широкое понимание рассматриваемого определения. Например, Л.В. Горбунова предложила следующее определение: «Поставка – совокупность не только, и не столько правовых, сколько производственных, транспортных, торговых, управленческих, посреднических и иных отношений» [1, с. 12-13]. Вместе с тем, в указанном определении не учитывается объект правового регулирования, предполагая, что в транспортном законодательстве, торговом законодательстве и т.д. должны быть разработаны специальные определения договоров поставки.

Проводя анализ действующего ГК РФ А.И. Охремчук утверждает, что «договор поставки рассматривается как один из видов купли-продажи, что вряд ли можно признать достаточно обоснованным поскольку единственное, что объединяет поставку и куплю-продажу − это их правовая цель, т.е. направленность на передачу права собственности или иного производного вещного права на условиях возмездности и безвозвратности. Все остальные признаки

принципиально отличают поставку от купли-продажи, а структура возникающих правоотношений не укладывается в структуру взаимодействия по купле-продаже» [9, с. 77].

Приведенные мнения ученых дают основания полагать, что проблема определения понятия договора поставки и его содержание остаются актуальными и в настоящее время, что предопределяет дальнейшее изучение рассматриваемых правоотношений.

Договор поставки имеет консенсуальный характер, то есть продавец обязуется передать товары покупателю, момент вступления договора в силу не связывается с передачей товаров покупателю, при этом договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по его существенным условиям. Другим признаком договора является возмездность, означающая обязанность покупателя оплатить полученные товары. Тем самым между сторонами возникают обязанности по отношению друг к другу на взаимной основе. Таким образом, согласно общепринятой классификации гражданско-правовых договоров, договор поставки является консенсуальным, возмездным и двусторонним.

Несмотря на вышеуказанные общие признаки договоров, договор поставки имеет ряд особенностей, которые позволяют выделить его в отдельный вид договора купли-продажи [11, с. 168]:

Во-первых, это особый субъектный состав: поставщиком может быть только лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (индивидуальные предприниматели или коммерческие организации). В учебной литературе под поставщиком понимается «лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, т.е. индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, которым достаточно осуществлять такую деятельность вообще, в отличие от розничного продавца» [4, с. 69].

Из этого следует, что поставщик товара должен специализироваться на производстве соответствующих товаров либо профессионально занимаются их закупками. Гражданин как физическое лицо, не занимающееся предпринимательской деятельностью, стороной договора поставки быть не может.

Под покупателем понимается лицо, которое приобретает товар для использования его в предпринимательских или иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием. Отсюда следует, что в качестве покупателя может выступать коммерческая организация (индивидуальный предприниматель), занимающаяся предпринимательской деятельностью.

Во-вторых, особенностью договора поставки является поставляемый товар и требования к нему. Товар может приобретаться у поставщика только в предпринимательских или иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Некоторые авторы обращают внимание на обязанность поставщика по передачи именно товаров во множественном числе и в определенный период времени, разовая передача товаров не свойственна для договора поставки [4, с. 72]. Вместе с тем, с учетом родовых признаков поставляемой вещи возможна поставка машин и оборудования индивидуального изготовления по специальным заказам покупателя в единственном числе» [17, с. 118].

К третьему признаку договора поставки следует отнести ее цель, как со стороны поставщика, так и со стороны покупателя.

Выделение цели как квалифицирующего признака договора поставки определяет специфическую регламентацию договора. Стороны договора поставки, в основном, являются предпринимателями, что свидетельствует о их профессиональной деятельности, в связи с чем они несут определенные риски и ответственность за свои действия в гражданском обороте» [18, с. 53]. Данные обстоятельства подразумевают самостоятельность их действий и саморегулирование отношений с помощью договора. Общей целью для сторон договора поставки является получение систематической прибыли с учетом определенных в договоре существенных условий.

Изучение квалифицирующих признаков договора поставки позволяет утверждать, что понятие договора поставки раскрывается в ст. 506 ГК РФ и его основным признаком, характеризующим как отдельный вид договора купли-продажи, является цель, с которой стороны заключают данный договор.

Для более полного изучения рассматриваемой темы в обязательном порядке необходимо рассмотреть вопросы разграничения договора поставки от других видов договоров. Данные обстоятельства вызывают значительные трудности в правоприменении, что связано с наличием

противоречий при толковании норм права. В связи с этим только анализ признаков позволит определить конкретный вид договора как договора поставки [6, с. 273].

В первую очередь следует рассмотреть разграничение договора поставки и договора розничной купли-продажи. Так, к договору поставки применяются специальные нормы содержащиеся в параграфе 3 главы 30 ГК РФ, а нормы, о купле-продаже используются субсидиарно. Критерием отграничения поставки от купли-продажи является предназначение товара не для личного использования (ст. 506 ГК РФ). Но если товар приобретается в розничной торговле, применяются специальные нормы о рознице (параграф 2 гл. 30 ГК РФ). Кроме того, нормы о поставке применяются к смешанным договорам, содержащим разнопорядковые обязательства, в соответствующей части [13].

Чтобы разграничить договор поставки от договора купли-продажи, следует обратить внимание на такой признак, как цель покупки: для договора поставки цель покупки не связана с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в то время как договор розничной купли-продажи заключается с целью приобрести товар для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Необходимо также провести отграничение договора поставки от договора подряда. В материалах судебной практики можно встретить случай, когда заключенный между сторонами договор поставки суды определили, как смешанный, содержащий элементы поставки и подряда. При этом, суды первой и апелляционной инстанции посчитали, что заключенный сторонами договор поставки в части обязательства по изготовлению коробов содержит элементы договора подряда, тем самым неверно квалифицировав договор как смешанный и применив к отношениям сторон нормы ГК РФ о договоре подряда и поставки.

Так, из Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 ноября 2015 г. № Ф08-7754/15 по делу № А32-39506/2014 [12] следует, что поставщик обязался изготовить определенный эксклюзивный товар для покупателя, хотя и находящийся в пределах обычной экономической деятельности поставщика.

Договор поставки не является смешанным. Он содержит элементы только договора поставки изготовленной продукции. В случае поставки товар производится или закупается поставщиком, а подряд охватывает не только результат работ как таковой, но и процесс их выполнения. Именно по этой причине правовое регулирование договора подряда включает в себя процесс выполнения работ и этим он отличается от поставки.

На сегодняшний момент в гражданском законодательстве можно выявить еще ряд проблем, связанных с договором поставки. Одной из них является проблема определения существенных условий применительно к данному договору.

Так, например, если в договоре поставки стороны прямо не предусмотрели, что ими должно быть достигнуто соглашение, например, об ассортименте, то ассортимент товара не является существенным условием договора поставки (ст. 506 - 524 ГК РФ).

Но названное условие может считаться существенным для договора поставки в том случае, если стороны решили, что ассортимент товара подлежит обязательному согласованию [7, с. 12].

Эти тезисы подтверждаются также и судебной практикой: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.03.2013 по делу № А56-45460/2012 [8], Постановления Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 24.09.2015 по делу № А36-19037/2014 [14], Федерального Арбитражного Суда Центрального округа по делу № А09-9224/13-4 от 19.12.2014 [15], по делу № А09-29-9223/15-9 от 21.12.2016 [16].

При соглашении о предмете договора, сторонам необходимо точно определить название товара, номера стандартов, технических условий, артикулов и иных необходимых документов, определяющих соответствие поступивших товаров.

В соответствии со стандартной торговой терминологии товары (продукция) классифицируется на группы, классы, виды, разновидности в зависимости от функционального назначения, потребительских свойств и показателей, а также других характеристик (ГОСТ Р 51303-2013 «Торговля. Термины и определения» [3] (Далее – ГОСТ 51303). Так, например, при поставке пиломатериалов необходимо классифицировать их по следующей схеме: класс товаров – «строительные материалы», группа – «древесные материалы», вид – «доска», разновидность – «доска напольная трапецевидная».

При заключении договора поставки изделий одного наименования, но с различными признаками, стороны должны указать, что поставляемый товар (изделия) имеет сложные характеристики. В этом случае они описываются отдельно в специальном приложении, которое является неотъемлемой частью договора [5, с. 9].

Наравне с точным наименованием товара стороны обязаны определить его точное количество. Обычно количество указывается в одном и том же пункте договора вместе с наименование товара.

Выделим основные виды согласования необходимые для надлежащего определение условия об ассортименте товара: согласования отличительных признаков товара; согласования количества товара в ассортименте; согласования порядка определения ассортимента товара.

Отличительными признаками товаров в ассортименте, требующие указания в договоре поставки при согласовании условия об ассортименте, являются виды, модели, размеры, цвета и иные признаки (п. 1 ст. 467 ГК РФ). К другим признакам можно отнести марку, материал изготовления, форму, технические характеристики и другие критерии различия поставляемых товаров.

Результат проведенного исследования вопроса о понятии и определении существенных условий договора поставки позволил прийти к заключению, что отсутствие единства судебной практики недопустимо, так как способствует различному правовому регулированию идентичных правоотношений.

Закрепление существенных условий договора поставки в ГК РФ необходимо ввиду того, что на данный момент неоднозначная судебная практика показывает, что при разрешении споров суды по-разному анализируют нормы параграфа 3 Главы 30 ГК РФ и потому выделяют разные существенные условия данного вида договора [11, с. 769].

Исходя из этого, предлагается внести изменения в ст. 506 ГК РФ, определив в нем существенные условия и форму договора поставки:

«Статья 506. Договор поставки

1. По договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, а покупатель обязан оплатить товар по цене, объявленной поставщиком-продавцом в момент заключения договора поставки, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства.

2. В случае, когда договором поставки предусмотрена предварительная оплата товара, неоплата покупателем товара в установленный договором срок признается отказом покупателя от исполнения договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

3. Условие договора поставки о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить наименование, ассортимент, качество и количество товара.

4. Договор поставки заключается в простой письменной форме».

Библиографический список:

1 Горбунова Л.В. Поставка продовольствия для государственных нужд по российскому гражданскому праву: Дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Л.В. Горбунова. – Самара, 2003. – 195 с.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ от 29 января 1996 г. 29 января. № 5. Ст. 410.

3 ГОСТ Р 51303-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Торговля. Термины и определения: Приказ Росстандарта от 28.08.2013 № 582-ст (ред. от 29.03.2016) [Текст] // Национальные стандарты. – 2018. – № 1.

4 Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2. [Текст] / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2017. - 880 с.

5 Гусева Т.А., Коротченкова О.В. Особенности договора поставки: налоговые и бухгалтерские аспекты [Текст] / Т.А. Гусева, О.В. Коротченкова // Законодательство. – 2013. – № 10. – С. 9 – 12.

6 Иванов Н.В. Заключение договора поставки: правовые аспекты [Текст] / Н.В. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 3. – С. 273 – 276.

7 Канцер Ю.А. Когда договор поставки не заключен [Текст] / Ю.А. Канцер // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 11. – С. 12 – 16.

8 Определение ВАС РФ от 05.03.2013 по делу № А56-45460/2012 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

9 Охремчук, А.И. Проблемы договора поставки в гражданско-правовых отношениях [Текст] / А.И. Охремчук // Вестник научных конференций. – 2016. – № 5-3. – С. 77 – 78.

10 Погорелова Т.И., Бахтина Ю.С. Особенности правовой квалификации договора поставки [Текст] / Т.И. Погорелова, Ю.С. Бахтина // Аллея науки. – 2018. – № 6. – С. 769 – 773.

11 Понеделко Д.В. Специфика договора поставки, его отличие от иных видов договоров, используемых при реализации товаров и услуг [Текст] / Д.В. Понеделко // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 168 – 174.

12 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 ноября 2015 г. № Ф08-7754/15 по делу № А32-39506/2014 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40587011/ (дата обращения: 29.10.2020).

13 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.11.2018 по делу № А60-151/2018 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

14 Постановление Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 24.09.2015 по делу № А36-19037/2014 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

15 Постановление Федерального Арбитражного Суда Центрального округа по делу № А09-9224/13-4 от 19.12.2014 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

16 Постановление Федерального Арбитражного Суда Центрального округа по делу № А09-29-9223/15-9 от 21.12.2016 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.10.2020).

17 Постовой Н.В. Муниципальное управление: Планирование, собственность, компетенция. [Текст] / Н.В. Постовой. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 144 с.

18 Свеженцева Н.П. Свобода договора как индикатор развития гражданского законодательства в Российской Федерации [Текст] / Н.П. Свеженцева // Бизнес в законе. – 2011. – № 1. – С. 53.

19 Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2017. – 532 с.

Ваулин Денис Андреевич
Vaulin Denis Andreevich
тольяттинский государственный университет

УДК 347.73

ДОГОВОР ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОД УСТУПКУ ДЕНЕЖНОГО ТРЕБОВАНИЯ

FINANCING CONTRACT FOR MONEY CLAIMS

Аннотация. В этой статье подробно рассматривается договор финансирования под уступку денежного требования. Проведен анализ изменений в гл. 43 ГК РФ о договоре финансирования под уступку денежного требования, который с 1 июня 2018 года юридически именуется договором факторинга. Был проведен анализ этих изменений, выявлены нерешенные вопросы, а также возможные проблемы и перспективы применения новых условий факторинга. Отражены предложения по улучшению существующего законодательства. Цель данной статьи - изучить сущность механизма договора финансирования под уступку денежного требования.

Abstract. This article discusses in detail a financing agreement against the assignment of a monetary claim. The analysis of changes in Ch. 43 of the Civil Code of the Russian Federation on a financing agreement against the assignment of a monetary claim, which from June 1, 2018 is legally referred to as a factoring agreement. An analysis of these changes was carried out, unresolved issues were identified, as well as possible problems and prospects for the application of new factoring conditions. Reflected proposals for improving the existing legislation. The purpose of this article is to study the essence of the mechanism of a financing agreement against the assignment of a monetary claim.

Ключевые слова: факторинг, договор, договор финансирования под уступку денежного требования, клиент, финансовый агент (фактор), правовое регулирование.

Key words: factoring, agreement, financing agreement against the assignment of a monetary claim, client, financial agent (factor), legal regulation.

Те изменения, которые происходят в экономической жизни, отразили различия гражданского законодательства (дореформированного) потребностям участников новых экономических отношений. Потому разработка и принятие 2-ой части Гражданского кодекса РФ стали еще одним шагом на пути улучшения новой кодификации российского гражданского права.

Вместе со значительным изменением подходов к традиционной договорной структуре, во 2-ой части современного ГК РФ в договорное право были введены другие договорные институты, один из которых - договор финансирования под уступку денежного требования. Данный договор основан на факторинге, который достаточно популярен в торговой практике и который предусмотрен гл. 43 ГК РФ [1].

Необходимо соответствующее правовое регулирование, так как договор финансирования под уступку денежного требования относится к тем правоотношениям, которые стали чрезвычайно важными для того, чтобы сформировать свободный рынок товаров, работ, услуг.

Понятие «финансирование под уступку денежного требования» в мировой практике, охватывает ряд денежных операций: факторинг, конфискацию, секьюритизацию, проектное финансирование и рефинансирование. В российской юридической литературе этот термин считается эквивалентом «факторинга».

Факторинговая деятельность была инициирована Домом факторов, который был основан в Англии в 17 веке. В то время в колониях присутствовали крупные европейские торговые дома-фактории, контролируемые факторами (торговые посредники по продаже товаров на рынках, неизвестных иностранным производителям). Фактор, который знал товарный рынок, покупательную способность покупателей, законы и торговые обычаи конкретной страны, имел задачу найти надежных покупателей, хранить и продавать товары, а также последующий сбор доходов от торговли.

Факторинг - хозяйствование коммерческих компаний по предоставлению финансирования и иных услуг участникам имущественного имущества взамен на обязательство последних передать право на денежное требование для оплаты товаров, работ, услуг от должников по договору [3, с.56].

Факторинг своими корнями, с одной стороны, восходит к общегражданской цессии, которая существует уже около 2000 лет и в настоящее время предусмотрено статьями 382-390 Гражданского кодекса, а с другой - к особому факторинговому институту, известному более 100 лет почти всем странам с рыночной экономикой.

Итак, это договор о деловых отношениях, участник которых приобретает денежное требование к другому лицу (например, в связи с отправкой ему товаров или оказанием платной услуги), не дожидаясь их исполнения, уступая требование банку или другой организации (фактору) в обмен на ссуду или кредит. Конечно, договор носит компенсационный характер, поэтому фактор не выплачивает такое требование кредитору полностью и не предоставляет им ссуду, поскольку это требование является способом обеспечения его своевременного возврата полностью или частично. В этом случае также учитывается необходимое вознаграждение фактору.

Некоторые российские банки давно используют механизмы факторинга в отношении своей финансовой и кредитной деятельности. Однако официально этот вид гражданско-правовых договоров был закреплен в российском гражданском праве только после принятия части второй ГК РФ. С тех пор этот договор стал интересным и широко распространенным среди массы современных предпринимателей.

В мировой практике уже давно используется довольно активно договор факторинга. По мнению известных современных юристов, при создании нового Гражданского кодекса был использован самый передовой опыт зарубежных стран.

Сам договор факторинга представляет собой очень сложное соглашение, которое требует особенно точной проработки и соблюдения юридических условий процедуры и требований его заключения. В ином случае может возникнуть вопрос о действительности заключенного договора [2, с.361].

За более чем 20-летний период существования рассматриваемой договорной структуры в главу 43 Гражданского кодекса Российской Федерации (статья 825) были внесены изменения только в одну статью, при этом эксперты неоднократно отмечали: что законодательство, регулирующее отношения в сфере факторинговых операций, больше не отвечает потребностям экономики и должно быть улучшено. 5 мая 2014 г. РФ ратифицировала Конвенцию УНИДРУА 1988 г. о международных факторинговых операциях, а 26 июля 2017 г. был принят Федеральный закон № 212-ФЗ, который внес существенные изменения в гл. 43 ГК РФ, вступившая в силу 1 июня 2018г.

Экономическая сущность факторинга заключается в том, что он способствует увеличению ликвидности активов, оборачиваемости капитала организации с использованием факторинговых услуг. Как справедливо отмечает Л.А. Новоселова, «экономический интерес уступающей стороны, как правило, заключается в немедленном получении денег, снижении затрат на управление дебиторской задолженностью и частичном или полном освобождении от риска неплатежеспособности должника» [3, с.86].

Договор факторинга охватывает очень широкий спектр самых разнообразных отношений. Кроме того, юридическая сущность договорных обязательств состоит в уступке денежного требования (цессии), известной в области договорного права. Однако факторинговые отношения, сочетающие элементы ссудных и кредитных договоров и, в некоторых случаях, договоров о финансовых услугах, намного более сложны и многогранны.

Первое, что следует отметить: в Закон теперь включен термин «факторинг», используемый в деловой практике и в международном праве. Факторинг - альтернативное название договора финансирования под уступку денежного требования. Обратившись к Оттавской конвенции 1988 г., становится ясно, что понятие «факторинг» имеет аналогичную структуру: одно лицо (поставщик, заказчик) предъявляет денежное требование второму лицу, а второе лицо (фактор) выполняет комбинацию как минимум двух видов услуг.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что согласно редакции ГК РФ с 1 июня 2018 г. ст. 824 ГК РФ, финансирование клиента фактором, данное финансирование — это обязательный элемент договора факторинга и является только одним из возможных вариантов действия фактора (финансового агента) на основании договора факторинга. Кроме того, измененная структура договора факторинга дает возможность заключить его, соблюдая определенные условия, после чего клиент получает от должника денежные средства, т.е. функции фактора сводятся только к услугам по взысканию дебиторской задолженности, которые оплачиваются клиентом дополнительно. Представляется, что закрепление возможности использования такой конструкции договора

факторинга может повлечь за собой частое использование в этих целях услуг коллекторских агентств, что может привести к массовому нарушению прав должников.

Неотъемлемая часть объекта договора - денежное требование клиента по отношению к должнику, которое уступается в целях реализации фактора сочетания. В предыдущей редакции ГК РФ указывалось, что денежное требование, уступаемое по договору факторинга, должно было возникнуть в результате поставки товаров заказчиком третьим лицам. То есть возможность уступки денежного требования на основании договора, предусмотренного главой 43 ГК РФ, реализовывалась исключительно в контексте отношений, в которых юридические лица или индивидуальные предприниматели выступали участниками на стороне кредитора.

Стоит сослаться на еще одно изменение главы 43 ГК РФ, а именно на п. 3 ст. 824 ГК РФ, что будет предусматривать субсидиарное применение гл. 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве к отношениям, которые были связаны с уступкой прав требования по договору факторинга. Нельзя допускать передачу иному лицу прав, которые неразрывно связанны с личностью кредитора, в т.ч. требование об алиментах и возмещении ущерба, которое причинено жизни либо здоровью (ст. 383 ГК РФ).

Это обстоятельство значительно расширяет перечень возможных денежных требований, поскольку появляется возможность уступить права денежных требований по договору факторинга от договоров, не связанных с хозяйственной деятельностью сторон, и вообще любых требований, кроме тех, которые неразрывно связаны с личностью кредитора. Можно полагать, что это приводит к возникновению множества резервов и неясных рисков для должников [5, с.73]. Сама по себе категория требований, «неразрывно связанных с личностью кредитора», не имеет однозначного определения ни в законодательстве, ни в судебной практике. Представляется неуместным использовать столь расплывчатую и оценочную концепцию в качестве единственного ограничения возможности обращения денежного требования, которое было предоставлено на основании договора факторинга.

Сторонами факторингового договора является клиент и фактор (финансовый агент). В главе 43 ГК РФ особенные требования установлены лишь к одной стороне изучаемого договора: фактору, обозначенному в ст. 825 ГК РФ, в соответствии с которой «коммерческие организации могут заключать договор факторинга в качестве фактора».

Необходимо подчеркнуть, что внесение изменений в главу 43 ГК РФ задело права и обязанности сторон по договору факторинга. А именно, возможность уступки права на денежное требование будет устанавливаться в случае, если договор факторинга заключен по модели «покупки» денежного требования финансовым агентом). Представляется, что, учитывая изменившийся характер уступаемого денежного требования (т.е. расширение перечня таких требований, не являющихся частью деловых отношений), это положение может повлечь за собой значительные риски для должников и злоупотребление факторами.

Безусловно, многие проблемы, которые обозначились в доктрине и судебной практике, были решены в рассмотренных поправках к главе 43 Гражданского кодекса Российской Федерации:

1. Новая структура договора, аналогичная положениям Оттавской конвенции 1988 года, решила проблему разграничения факторингового договора с другими договорами, в рамках которых можно передать право требования вместо встречной субсидии в форме финансирования (например, покупка денежного требования путем уступки), поскольку рассматриваемый договор больше не может быть ограничен исключительно финансированием, осуществляемым под уступку денежного требования, необходимо предоставить хотя бы еще одну услугу.
2. ГК РФ четко установлено, что встречное предоставление клиента фактору не ограничивается уступкой, а включает отдельную оплату услуг финансового агента.
3. П.3, ст. 824 ГК РФ, обеспечив субсидиарное применение общих правил переуступки факторинговых отношений, устранило многочисленные разногласия в научной литературе и в решениях судов.
4. В ст. 826 ГК РФ изменилось понятие существующих и будущих требований, которые могут стать предметом уступки по договору факторинга, что окончательно решило вопрос о возможности уступки денежных требований из заключаемого договора. в будущем [5, с.74].

Однако, несмотря на ряд нерешенных юридических проблем, рынок факторинга в России продолжает развиваться и в будущем имеет возможность приблизиться к уровню европейских стран.

В результате комплексного изучения договора финансирования под уступку денежного

требования (факторинга) можно прийти к следующим выводам:

1. Новая структура договора факторинга допускает ситуацию, в которой отношения сторон могут быть сведены исключительно к предоставлению услуг фактором по взысканию денежного требования за вознаграждение, без предоставления клиенту финансирования. Представляется, что использование такой конструкции может привести к частому использованию услуг коллекторских агентств для этих целей, а это может привести к массовому нарушению прав должников. Таким образом, мы понимаем, что необходимо дополнять ст. 824 ГК РФ, в котором указано, что денежное требование, присужденное по договору факторинга, не может быть результатом предоставления покупателем товаров, выполнения работ и оказания услуг исключительно для личных, семейных, бытовых и иных нужд, не связанных с осуществлением хозяйственной деятельности.

2. Субъектный состав договора вызывает ряд вопросов - клиент и финансовый агент (фактор). В главе 43 Гражданского кодекса Российской Федерации особые требования установлены только для одной стороны - финансового агента по ст. 825 ГК РФ, а в отношении заказчика глава 43 ГК РФ в редакции от 1 июня 2018 г. не содержит ограничений в отношении него.

3. Поправки в главе 43 ГК РФ коснулись прав и обязанностей сторон, однако некоторые проблемные вопросы не решены. В частности, не определен порядок передачи кредитного права клиентом, нет ограничения права на изменение договора между кредитором (клиентом) и его должником после заключения договора факторинга, порядок финансирования фактором клиента не определен. Кроме того, остается открытым вопрос об ответственности финансового агента.

5. В практике делового оборота распространены и другие операции по уступке дебиторской задолженности, не подпадающие под дисциплину факторинга: форфейтинг, секьюритизация, проектное финансирование и рефинансирование. Однако не все эти механизмы четко регулируются российским законодательством. В частности, использование форфейтинга в России возможно только из-за отсутствия прямого запрета. В связи с этим представляется целесообразным указать в законодательстве возможность финансирования под уступку денежного требования путем передачи прав на ценные бумаги по отдельному соглашению о конфискации, указав необоротный характер финансирования, и урегулировать права и обязанности сторон [4, с.51].

Таким образом, очевидно, что в настоящее время главу 43 ГК РФ необходимо доработать.

Итак, ценность договора факторинга очевидна. Этот тип договора позволяет кредиторам, включая крупные естественные монополии (железные дороги, судовладельцы, оптовые торговцы и т. д.), постоянно работающие с большим количеством должников, освободиться от кропотливой работы по получению от них платежей путем продажи или передачи соответствующих требований специализированной фирме - финансовому агенту за комиссионное или иное вознаграждение.

Библиографический список:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут. 2001. - 848 с.
3. Ивасенко, А. Г. Факторинг / А.Г. Ивасенко, Я.И. Никонова. - М.: КноРус, 2017. - 224 с.
4. Рыжковская Е.А., Шаблова Е.Г.Совершенствование норм об уступке требования и факторинге в гражданском законодательстве России. Право и экономика. 2015.11. – С.48–55.
5. Фролкина Е.Н. К вопросу о совершенствовании гражданского законодательства о факторинге. Современное право. 2013.№10. – С.72–78.

Ерохина Елена Васильевна
доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
E-mail: erohina.elena2020@gmail.com
Erohina Elena Vasilievna
Associate Professor of Civil Law and Process,
Candidate of legal sciences, Associate professor of "Orenburg State University"

Канзафарова Эвелина Руслановна
студентка 3 курса Юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
E-mail: evelina-kanzafarova@yandex.ru
Kanzafarova Evelina Ruslanovna
Student of the 3rd year of the Faculty of Law of "Orenburg State University"

УДК 34

СУРРОГАТНЫЙ ТУРИЗМ

SURROGATE TOURISM

Аннотация. В представленной статье анализируются правовые проблемы современного суррогатного (репродуктивного) туризма. Выделены коллизионные проблемы использования суррогатного материнства. Автором предлагаются основные перспективы развития нормативно-правовой базы суррогатного туризма в нашей стране.

Abstract: The presented article analyzes the legal problems of modern surrogate (reproductive) tourism. The number of visa problems of surrogacy use is highlighted. The author offers the main prospects for the development of the regulatory and legal framework of surrogate tourism in our country.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатный туризм, репродуктивный туризм.

Key words: surrogacy, surrogate tourism, reproductive tourism.

Современное состояние нормативно-правового регулирования суррогатного материнства в нашей стране позволяет отнести Российскую Федерацию к категории стран, имеющих либеральное законодательство в отмеченной отрасли. В Германии, Франции, Швейцарии, Швеции суррогатное материнство запрещено. Законодательство таких стран, как Азербайджан, Бразилия, Венгрия, Грузия, Гонконг, Индия, Казахстан, Кыргызстан, Нидерланды, США (некоторые штаты) суррогатное материнство не запрещено на законодательном уровне. В Швейцарии, Испании, Норвегии под запретом находится коммерческое суррогатное материнство [7, 22].

К побуждающим мотивам суррогатного материнства и суррогатного туризма мы можем отнести следующие:

- высокий уровень стоимости данной процедуры в стране проживания в сравнении с другими странами;
- недостаточно высокий уровень развитости репродуктивной отрасли в данном направлении – отсутствие высокопрофессиональных специалистов, неразвитость медицинских технологий и необходимой аппаратуры;
- длительный срок ожидания процедуры;
- определенная категория граждан не имеет права на суррогатное материнство в стране проживания;
- низкая эффективность медицинских процедур (невысокий процент женщин, которые смогли родить по данным медицинским технологиям);
- не отработаны вопросы безопасности, анонимности и приватности для клиентов.

Нами было отмечено, что РФ относится к категории стран, которые обладают либеральным законодательством, поскольку суррогатное материнство стремительно развивается, и вместе с тем данный бизнес практически не регулируются нормами права. К услугам детородных женщин прибегают, чаще всего, зарубежные семьи. Мы не имеем права заявлять, что наше государство стало

центром суррогатного туризма (каковым в настоящее время является Индия), но дешевизна предоставляемых услуг, отсутствие законодательных запретов значительно упрощают для иностранцев возможности использования суррогатного материнства на территории РФ [9,192].

Ассоциация медицинского туризма РФ выделяет три основных направлений репродуктивного туризма:

- возможность применения донорского оплодотворения;
- ЭКО;
- возможности суррогатного материнства [6].

Российская ассоциация репродукции человека указывает на то, что Россия опередила США по такому показателю, как численность новорожденных с помощью репродуктивных технологий на 100 000 бесплодных граждан РФ, находящихся в репродуктивном возрасте, российский показатель выше американского на 40 процентов в 2019 году [8].

Данное направление активно развивается даже при наличии недопустимых правовых рисков. Федеральным законодательством, представленным Семейным кодексом [2], ФЗ «Об основах здоровья граждан в РФ» [4], не выстроена целостная, завершенная система нормативно-правового регулирования суррогатного материнства. Основная проблема коллизионного метода регулирования отношений следующих субъектов, осложненных «иностранными» элементами: дети, родители, суррогатные матери, - несоответствие коллизионных норм отдельно взятых стран. Это порождает проблемы с обратной отсылкой.

Закон генетических родителей не всегда может нормально регулировать правоотношения между вышеуказанными субъектами, так как исполнение данного закона будет стопориться запретом суррогатного материнства на территории определенного государства. И если генетические родители являются гражданами государства, где запрещено суррогатное материнство, то договор не может быть заключен ни при каких условиях.

Использование коллизионного метода при регулировании взаимоотношений родителей и ребенка определяется законодательством определенной страны и в каждом государстве имеет свои особенности. Так, например, в ряде стран (Объединенные Арабские Эмираты) в качестве основы коллизионной привязки выступает право домицилия (место жительства), это право регулирует личные неимущественные отношения детей и родителей, в 1985 году в ОАЭ был принят Закон о гражданской сделке, ст. 16 которого гласит, устанавливает, что «вопросы попечительства, опеки, содержания определяются [личным] законом гражданина, который подлежит защите. В других странах может применяться либо право места возникновения споров (Йемен), либо право государства происхождения детей. В Турции последствия рождения ребенка определяются общим гражданством матери и отца, в случае разного гражданства родителей должен применяться закон общего местожительства родителей или закон привычного общего места нахождения.

В современном мире сложилась ситуация, когда страны третьего мира предоставляют т.н. аутсорсинг суррогатного материнства для граждан высокоразвитых государств, то есть мы можем наблюдать своеобразное географическое и имущественное разделение на «богатого заказчика» (развитые страны) и бедного поставщика услуг (страны третьего мира, и в первую очередь страны Азии). Суррогатные матери могут обеспечить свое существовании и существование своей семьи, но с другой стороны мы можем назвать происходящее новой формой колониализма.

Всемирная организация здравоохранения в статистических отчетах за 2018 год указывает, что примерно 15 процентов семейных пар, находящихся в репродуктивном возрасте, на в состоянии естественным путем завести детей, в 25 процентах зарегистрированных случаев – это проблемы мужского бесплодия, в 30 процентах – женского бесплодия, в 35 процентах – проблемы обоих супругов и в 10 процентах причину установить не представлялось возможным. Кроме того, ВОЗ указывает, что с использованием различных репродуктивных технологий во всех странах родилось более 5,1 млн. детей [1].

Серьёзную проблему суррогатного материнства выявила, как это ни звучит странно, пандемия Covid-19. В 2020 году стало понятно, что РФ, Украина, Грузия, Казахстан, Индия, ЮАР являются своеобразными «главными мировыми инкубаторами», причем, в этих государства основным является не легальный, а подпольный рынок репродуктивных технологий. Также пандемия короновируса вскрыла информацию о том, что заказчиками суррогатного потомства являются граждане нетрадиционной сексуальной ориентации. Хотя еще в 2013 году в РФ был принят закон, запрещающим однополым лицам, состоящим в браке, холостым мужчинам и незамужним

женщинам, имеющим иностранное гражданство, усыновлять детей в РФ.

Кроме того, известно, что прогресс обнажает и обостряет существующие проблемы, заявленные инновации не всегда сообразуются с традиционными ценностями, национальным укладом, религиозными обычаями, ментальностью, с медицинскими и юридическими этическими принципами. К сожалению в нашем государстве сохранился запретительный принцип отношения к инновационным процессам, поскольку, с точки зрения отдельных руководителей, легче и проще запретить, чем установить адекватное правовое регулирование. Так, например, в 2017 году членом СФ РФ Беляковым А.В. был внесен на рассмотрение Государственной Думой РФ законопроект, в случае принятия которого под запрет попали бы возможности женщин рожать детей для других граждан, также невозможно было бы легально пропагандировать данные услуги [5]. Возможности иностранных граждан прибегать к услугам суррогатных матерей на территории РФ превратит нашу страну в центр суррогатного материнства для иностранцев.

В первую очередь против указанного законопроекта выступила медицинская общественность: запреты суррогатного материнства усугубляли проблемы бесплодных семейных пар, проблемы женщин, у которых были диагностированы противопоказания к беременности. Юристы высказывали точку зрения, что запрет суррогатного материнства будет способствовать теневому рынку данных услуг, тем самым усилив социальную незащищенность суррогатных матерей. Не следует идти по пути наименьшего сопротивления – запретить и точка, - следует усилить работу над доработкой законодательства о суррогатном материнстве.

К сожалению, как мы уже отмечали, взаимоотношения участников данного процесса: родители биологические, ребенок, суррогатные матери, - не урегулированы законодательством, что создает возможности для нарушений, для шантажа и снижает защищенность всех субъектов данного бизнеса. И самое негативное заключается в том, что рождённый таким способом ребенок не имеет надежную законодательную защиту.

Преодолеть коллизионные проблемы, связанные с технологиями суррогатного материнства, можно только путем формирования унифицированного межгосударственного законодательства либо унификации нормативно-правовых актов стран, входящих в региональные международные организации.

Отечественное право, в отличие от иностранного, содержит строгие и односторонние коллизионные нормы в области брачно-семейных отношений, что не соответствует прогрессивным тенденциям развития международного частного права.

Коллизионное регулирование прямых суррогатных отношений должно учитывать современные подходы к дифференциации и усложнению конфликтных норм, а также тенденцию перехода от жесткого к гибкому правовому регулированию брака и семейных отношений.

Так, можно внести в статью 12 ФЗ от 31.05.2002 г. №62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [3] часть 3, где установить, что «если суррогатная мать не имеет российского гражданства, гражданство детей определяется по гражданству родителей, внесенных в качестве таковых в свидетельство о рождении, и согласно законодательству РФ».

В качестве выводов отметим, что предложенная нами унификация межгосударственного законодательства, регулирующая вопросы суррогатного материнства, в настоящее время представляется мало вероятной. Уровень жизни в разных странах также не выровняется в ближайшее время. Следовательно, в обозримом будущем репродуктивный туризм не утратит свой значимости, и, скорее всего, будет нарастать. Стремление бесплодных и неспособных иметь потомство родителей получить ребенка любой ценой позволит им обходиться юридические, географические и биологические запреты и границы. Процессы глобализации приведут к появлению детей в однополых союзах, у одиноких граждан, не желающих оформлять семейно-брачные отношения и даже не желающие сожительствовать. Генетически больные родители смогут растить и воспитывать генетически здоровых детей; потомство может появиться у семейных пар постпродуктивного возраста. И ничто не сможет воспрепятствовать данным явлениям – ни политические, ни биологические, ни этические нормы, запреты и ограничения.

Как частный случай возможности обойти все запреты можно рассматривать создание перинатальных лечебных учреждений на морских судах, курсирующих в нейтральных водах, не входящих в юрисдикцию ни одного государства, тем более, что лечебные учреждения для прерывания беременности на морских судах уже курсируют в нейтральных водах.

Таким образом, остается один приемлемый путь – выработать адекватную и оптимальную

нормативно-правовую базу для суррогатного материнства и репродуктивного здоровья.

Библиографический список:

1 Всемирная организация здравоохранения. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.who.int/ru.

2 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/ cons_doc_LAW_8982/

3 О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ. Электронный ресурс. – Режим доступа: http:// www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_36927/

4 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. - № 48. - Ст. 6724.

5 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства : Законопроект от 27 марта 2017 года №133590-7. Электронный ресурс. – Режим доступа: https://lawmon.ru/law/133590-7.html.

6 Ассоциация медицинского туризма РФ. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://rmta.ru/

7 Крысанова, Н.В. Современные проблемы в области государственной политики по защите прав и законных интересов детей / Н.В. Крысанова, О.М. Дорошенко. – Москва : Научные исследования и образование. – 2020. - № 4. – С. 22 – 25.

8 Российская ассоциация репродукции человека. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.rahr.ru/

9 Тагаева С. Н., Аминова Ф. М. Проблемы применения правопорядка к осложненным «иностранным элементом» отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий / С. Н. Тагаева, Ф. М. Аминова // Вестник Пермского университета. - Юридические науки. - 2020. - Вып. 36. - С. 192– 202.

Мыслывая Анастасия Алексеевна
Myslyvaya Anastasia Alekseevna
Студентка Челябинского государственного университета, Институт права.

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.

FEATURES OF RELEASING A PERSON FROM CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES.

Аннотация: Предметом данной научной статьи является исследование условий освобождения взяткодателя (лица, передающего предмет коммерческого подкупа) от уголовной ответственности за коррупционное преступление. С этой целью автор статьи провел юридический анализ положений антикоррупционного уголовного законодательства РФ, а также рассмотрел особенности условий освобождения лица от уголовной ответственности. По итогам научной работы было сделаны предложения по дальнейшему реформированию антикоррупционного законодательства с целью решения проблемы латентности преступлений коррупционной направленности.

Abstract: the subject of this scientific article is the study of the conditions for the release of a bribe-giver (a person who transfers the subject of commercial bribery) from criminal liability for a corruption crime. To this end, the author conducted a legal analysis of the provisions of the anti-corruption criminal legislation of the Russian Federation, and also reviewed the features of the conditions for exemption from criminal liability. Based on the results of the scientific work, proposals were made for further reform of the anti-corruption legislation in order to solve the problem of latency of corruption-related crimes.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, взяточничество, взяткодатель, предмет коммерческого подкупа, вымогательство предмета подкупа, позитивное постпреступное поведение, добровольное сообщение о преступлении.

Keywords: exemption from criminal liability, bribery, bribe taker, subject of commercial bribery, extortion of the subject of bribery, positive post-criminal behavior, voluntary reporting of a crime.

В настоящее время одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики является разработка и реализация мер по предупреждению преступлений коррупционной направленности на законодательном уровне.

В структуре коррупционной преступности основную долю составляет взяточничество – около 60%, в частности преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих и иных организациях, составляют порядка 3,5% [1, 41]. Согласно данным Ежемесячного сборника о состоянии преступности в России, количество предварительно расследованных коррупционных преступлений составляет 25 765, а переданных на рассмотрение в суд – 19 642 уголовных дела. По нашим приблизительным подсчетам, количество расследованных преступлений, предусмотренных ст. 204-204.2 УК РФ составляет около 898 материалов и 687 дел, переданных в суд. По сведениям портала судебной статистики, подготовленной Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, среди преступлений, предусмотренных ст. 204 – 204.2 УК РФ наибольшее количество обвинительных приговоров было вынесено по ч. 1 ст. 204.2 УК РФ – 286 приговоров, по ч. 7 ст. 204 УК РФ – 222 приговора, по ч. 6 ст. 204 УК РФ – 39 [2].

Кроме того, по сведениям портала правовой статистики, на 2018 год число не раскрытых преступлений по ст. 291 УК РФ «Дача взятки» составило 52 преступления, в 2019 году произошел прирост на 98,08% и количество не раскрытых преступлений по этой статье равнялось 103, по состоянию на март 2020 года число нераскрытых преступлений по ст. 291 УК РФ достигло 114 [3]. К сожалению, статистические данные относительно нераскрытых преступлений, предусмотренных ст. 204-204.2 УК РФ, на официальном портале правовой статистики отсутствуют. При этом, можно предположить, что в правоприменительной практике имеется достаточное количество нераскрытых коррупционных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях.

Проблема латентности коррупционной преступности вынуждает национальных законодателей принимать уголовно-правовые нормы поощрительного характера для стимулирования

положительного постпреступного поведения субъектов взяточничества.

Действующий российский уголовный закон устанавливает возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности для следующих субъектов: взяткодатель (ст. 291, 291.2 УК РФ) или лицо, передавшее предмет коммерческого подкупа (ст. 204 и 204.2 УК РФ); а также посредник во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и посредник в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ).

Из анализа примечаний к перечисленным выше уголовно-правовым положениям следует, что обязательными условиями для освобождения от уголовной ответственности взяткодателя (лица, передавшего предмет подкупа) являются: 1) активное способствование раскрытию и/или расследованию преступления; 2) вымогательство взятки (предмета подкупа) со стороны должностного лица (лица, выполняющего управленческие функции в организации); 3) добровольное сообщение о преступлении в орган, имеющий право возбудить уголовное дело. Для освобождения от уголовной ответственности посредника во взяточничестве необходимо наличие только двух условий позитивного постпреступного поведения: 1) активное способствование раскрытию и/или пресечению преступления; и 2) добровольное сообщение о преступлении в правоохранительный орган.

Согласно п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4] добровольность сообщения правоохранительным органам после совершения указанных преступлений и активное способствование раскрытию и (или) расследованию преступлений относится к числу обязательных условий освобождения.

Одной из главных правоприменительных сложностей является отсутствие легального толкования понятия «активное способствование раскрытию и/или расследованию (пресечению) преступления», а также указания на то, выполнение каких действий будет подразумевать такое активное способствование.

В силу абз. 4 п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» активное способствование раскрытию и расследованию преступления должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяткодателя, взяткополучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.

На наш взгляд, разъяснения Пленума Верховного суда РФ не вносят в этот вопрос ясности, поскольку приведенное положение содержит в себе лишь общий вектор позитивного постпреступного поведения взяткодателя, а не перечень конкретных действий, выполнение которых может послужить залогом для освобождения от уголовной ответственности.

Круг обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании коррупционных преступлений обладает определенной спецификой, связанной с особенностями объективной стороны взяточничества (получение/дача предмета коммерческого подкупа с посредниками/без посредников; совершение в пользу лица, передавшего предмет подкупа, незаконных действий/бездействия лицом, выполняющим управленческие функции в организации; наличие/отсутствие давления на лицо, передавшее предмет подкупа, со стороны «управленца» и т.д.). Способы совершения коррупционного преступления не могут не оказать влияния и на содержание действий, которые должен выполнить лицо, чтобы в последующем рассчитывать на возможность освобождения от уголовной ответственности.

Вторым обязательным условием, предусмотренным примечанием 2 к ст. 204 УК РФ, является установление факта вымогательства взятки или предмета подкупа. При этом по смыслу п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» взяткодатель (лицо, передавшее предмет подкупа) в данной ситуации не может быть признан потерпевшим, вследствие чего ему не будет возвращен предмет взятки (коммерческого подкупа). Освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления.

Одновременно с этим в условиях вынужденной передачи предмета взятки или коммерческого

подкупа, выполненной в состоянии крайней необходимости или в результате психического принуждения, то есть при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, взяткодателю будет присвоен уголовно-правовой статус потерпевшего, и вместе с тем предмет взятки (коммерческого подкупа) будет передан его владельцу.

По мнению Бугаевской Н.В., объяснение освобождения от уголовной ответственности при наличии вымогательства кроется в том, что угрозы причинения вреда со стороны должностного лица могут сломить сомнения взяткодателя, тем самым вынудив его дать взятку, заставив действовать в условиях психического принуждения [5, 280]. Важным моментом при вымогательстве предмета взятки или коммерческого подкупа является высказывание угроз должностным лицом (лицом, выполняющим управленческие функции), которые могут быть связаны с причинением вреда законным интересам взяткодателя (лица, передающего предмет подкупа).

И наконец, третьим обязательным условием освобождения от уголовной ответственности за взяточничество будет добровольное сообщение о преступлении в правоохранительный орган. В отличие от сообщения о факте вымогательства предмета взятки или коммерческого подкупа, о котором может быть заявлено как на стадии неоконченного преступления (приготовлении, покушении), так и после совершения преступления. Добровольное сообщение о преступлении может быть сделано исключительно на стадии оконченного преступления. При этом уголовный закон не содержит никаких требований к такому сообщению, за исключением его добровольности, т.е. взяткодатель по собственному желанию, без внешнего принуждения, вне процесса проведения следственных действий принял решение сообщить о совершенном преступлении в орган, имеющий право на возбуждение уголовного дела.

16 октября 2017 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях. Проект, подготовленный Минтрудом России, предполагал дополнение ФЗ-273 «О противодействии коррупции» статьей 9.1. Права лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях, и защита этих лиц.

В качестве мер защиты таких лиц ч. 4 данной статьи предусматривала: 1) обеспечение конфиденциальности сведений о лице, уведомившем о коррупционном правонарушении, и сведений, содержащихся в уведомлении; 2) оказание бесплатной юридической помощи; 3) защиту от ущемлений прав и законных интересов лица, уведомившего о коррупционном правонарушении в связи с исполнением должностных (служебных) обязанностей, в течение двух лет с даты регистрации уведомления о коррупционном правонарушении, а в случае участия указанного лица в уголовном судопроизводстве также меры защиты, применяемые в соответствии с федеральными законами «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [6].

Летом 2019 года данный законопроект был отклонен Государственной Думой РФ в первом чтении. Отказ депутатов нижней палаты Федерального Собрания РФ от внесения поправок в ФЗ «О противодействии коррупции» представляется нам не логичным.

Считаем необходимым дополнить антикоррупционное законодательство положением, раскрывающим сущность «активного способствования в раскрытии и/или расследовании преступления» и устанавливающим перечень конкретных действий (по аналогии с выполнением обязательств, установленных в соглашении о досудебном сотрудничестве) которые должен выполнить взяткодатель (лицо, передавшее предмет подкупа) для реализации возможности освобождения от уголовной ответственности. В дополнении к этому, полагаем важным вернуться к рассмотрению законопроекта о внесении поправок в ФЗ-273 «О противодействии коррупции». По нашему мнению, закрепление прав и гарантия их защиты для лиц, сообщивших о коррупционном преступлении, на федеральном уровне может простимулировать взяткодателей, обеспокоенных угрозой личной безопасности, обращаться в правоохранительные органы.

Следует надеяться, что уже принятые уголовно-правовые положения, предусматривающие условия освобождения от уголовной ответственности за взяточничество, и предлагаемые нами меры будут способствовать раскрытию указанных преступлений и минимизировать последствия латентности данной группы преступлений.

Библиографический список:

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2018. 86 с/

2. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2019 год. - URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 18.11.2020). – Текст : электронный.

3. Портал правовой статистики Генеральной прокураты РФ. - URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 18.11.2020). – Текст : электронный.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета от 17 июля 2013 г. № 154.

5. Бугаевская Н.В. «Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки и посредничество во взяточничестве». // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019. 2019. С. 279-283.

6. Проект Федерального закона № 286313-7 «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части защиты лиц, уведомивших о коррупционных правонарушениях». - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/286313-7 (дата обращения: 20.11.2020). – Текст : электронный.

Елкина Анна Дмитриевна
Elkina Anna Dmitrievna
Студентка Белгородского государственного национального исследовательского университета, юридический институт.

УДК 343

ОПЕРАТИВНО – РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА

OPERATIONAL-SEARCH SUPPORT OF INTERROGATION PRODUCTION

Аннотация: В научной работе затрагиваются проблемы оперативно – розыскного обеспечения производства допроса, одна из которых заключается в не точности нормативного – правового регулирования задач оперативно розыскной деятельности.

Abstract: the scientific work deals with the problems of operational and investigative support of interrogation, one of which is not the accuracy of the regulatory and legal regulation of the tasks of operational and investigative activities.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, допрос, оперативно – розыскное обеспечение.

Keywords: criminal proceedings, interrogation, operational search support.

Актуальность исследования оперативно – розыскного обеспечения производства допроса связано с тем, что применение оперативно – розыскных возможностей при производстве следственных действий приобретает все большее практическое значение. Современная тактика борьбы с преступлениями включает в себя элементы оперативно – розыскных мероприятий применительно к решению частных оперативно – розыскных задач. Оперативно – розыскное сопровождение отдельных следственных действий, в частности, допроса, относится к их числу.

В уголовном процессе допрос является основным и важнейшим следственным действием. Проведение допроса позволяет лицу, производящему предварительное расследование, получить большой объем доказательственной информации по уголовному делу. Именно допрос позволяет получить новую доказательственную информацию и проверить уже имеющиеся доказательства и сведения. Ж.А. Тенгизова, Р.Х. Джумаева справедливо отмечают: «Данное следственное действие трудно из за того, что приходится не только применять приемы, известные в юриспруденции, но и также быть хорошим психологом [9, С. 98].

Правовое регулирование производства допроса осуществляется на основании главы 26 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Однако без строгого и неукоснительного соблюдения уголовно – процессуального закона, следственное действие теряет свое процессуальное значение и влечет за собой недопустимость использования сведений, полученных в ходе производства допроса на основании ст. 75 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации. Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации, строго регламентируя уголовное судопроизводство, устанавливает лишь общие правила проведения следственного действия в виде допроса, но не устанавливает приемы и методы его проведения.

Уголовно – процессуальный закон устанавливает, что допрос производится следователем. Многими авторами поддерживается положение закона. Однако несмотря на буквальное толкование уголовно – процессуального закона, производство допроса может осуществляться и дознавателем при наличии разрешения начальника органа дознания или прокурора. А.П. Рыжаков также указывает: «Проводить самостоятельно предварительное расследование в соответствии со своей компетенцией могут также руководитель следственного органа и начальник органа дознания»[8, С.12]. А это значит, что для указанных лиц доступно производство всех следственных действий, предусмотренных процессуальным законом. Таким образом, указание на субъект производства допроса только в виде следователя является некорректным

Производство допроса не может длиться непрерывно более 4 часов (ч. 2 ст. 187 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации), а его продолжение допускается после перерыва не менее один час (ч. 3 ст. 187 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации); по общему правилу производства допроса осуществляется по месту проведения предварительного следствия, а

при необходимости – в месте нахождения допрашиваемого лица (ч. 1 ст. 187 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации); допрашиваемое лицо (потерпевший, свидетель) вызывается на допрос повесткой (ч. 1 ст. 1888 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации).

Правила производства допроса, установленные действующим уголовно – процессуальным законом следующие: перед производством допроса удостоверяется личность допрашиваемого лица. Уголовно – процессуальным кодексом Российской Федерации установлен запрет задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации). Допрашиваемое лицо вправе использовать при проведении допроса записи и документы (ч. 3 ст.189 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации). При производстве допроса вправе присутствовать адвокат.

Ж.А. Тенгизова, Р.Х. Джумаева отмечают: «Зачастую расследованию преступлений мешает не отсутствие доказательств, а неумение изобличать преступника, неумелый подход к анализу обстоятельств преступления и недостаточная проверка имеющихся версий по делу. Без знания следователем и дознавателем правил проведения отдельных следственных действий невозможно гарантировать полноту, объективность и всесторонность исследования обстоятельств преступления. Производства допроса на должном уровне требует знаний не только закона, но и психологии, криминалистики, этики, педагоги, психологии и даже багажа житейского опыта»[10, С. 99].

Потому, эффективность допроса обусловлена не только уставленными строгими правилами процессуального производства допроса, но и наличием иных механизмов, среди которых оперативно – розыскное обеспечение.

Оперативно – розыскное обеспечение следственных действий находится в тесной взаимосвязи с уголовно – процессуальной деятельностью. Как и уголовно – процессуальная деятельность, так и оперативно – розыскная представляют собой упорядоченную совокупность действий, которая осуществляется их участниками. Оперативно – розыскная деятельность в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно – розыскной деятельности»[3]. Если обратиться к Федеральному закону от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно – розыскной деятельности», в части закрепления его задач, то мы увидим общее для уголовно – процессуальной деятельности и оперативно – розыскной. Так в ст. 2 указанного закона одной из задач оперативно – розыскной деятельности, установленной законодателем, является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Наибольшее внимание привлекает задача в виде раскрытия преступлений. Действующий Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации прямо не закрепляет такую задачу для уголовного судопроизводство, однако она вытекает из сущности самого уголовного процесса.

Однако А.С. Сидоров справедливо критикует законодательно закрепленную формулировку: «Необходимо внести поправку в действующий федеральный закон определив, что задачей оперативно – розыскной деятельности является не раскрытие преступлений, а обеспечение деятельности по раскрытию преступлений»[9, С. 232]. Мы согласны с мнением автора. Фактически органы, осуществляющие оперативно – розыскную деятельность, не раскрывают преступления, а способствуют их раскрытию путем обеспечения оперативно – розыскными мероприятиями. Кроме того, данное обстоятельство подтверждается следующими аргументами, которые приводит И.А. Насонова: «Уголовно-процессуальная и оперативно - розыскная деятельность, будучи объединенными общей целью раскрытия преступлений, различны по ряду существенных признаков. Одно из различий заключается в том, что в ходе оперативно - розыскных мероприятий, несмотря на некоторую их созвучность со следственными действиями, выполняемыми по УПК РФ (опрос, контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и т.д.), доказательства не собираются. В то же время согласно ст. 11 ФЗ об ОРД результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Однако необходимо помнить, что только в результате производства уголовно-процессуальных действий добываются сведения, которые служат доказательствами по уголовному делу. Причем к таким уголовно-процессуальным действиям относятся преимущественно следственные действия (допросы участников оперативно-розыскных мероприятий, осмотр представленного предмета, назначение экспертиз фонограмм и

видеозаписей и др.)»[7, С. 125]. Таким образом, оперативно - розыскная деятельность не может осуществляться самостоятельно для раскрытия преступлений, поскольку только доказательства, полученные на основании и в порядке, установленные Уголовно – процессуальным кодексом, могут быть положены в основу уголовного дела.

Роль оперативно – розыскной деятельности велика в содействии уголовному судопроизводству. Все более актуальное теоретическое и практическое значение приобретают вопросы оперативно – розыскного обеспечения следственных действий в уголовном судопроизводстве. Действующим законодательством предусмотрена возможность использования результатов оперативно – розыскной деятельности для подготовки и осуществления следственных и судебных действий (ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно – розыскной деятельности»).

Для следователя важен конечный результат – это информация, полученная в ходе оперативно-розыскной деятельности, и возможность использовать ее в процессе разоблачения преступников, а для оперативного работника важна четко поставленная в отдельном поручении следователя цель. Как мы уже отмечали ранее, допрос является одним из наиболее распространенных следственных действий. Весьма эффективным для решения промежуточных задач уголовного судопроизводства, может оказаться оперативно – розыскное обеспечение допроса. Оперативно-розыскное сопровождение допроса может осуществляться по следующим направлениям:

1. Предоставление следователю отдельных данных, полученных оперативно-розыскным путем и позволяющих ему критически оценивать имеющиеся доказательства, правильнее строить тактику допроса.

2. Непосредственное участие оперативного работника в проведении допроса.

3. Проведение обеспечивающих оперативных мероприятий.

Информация, полученная для оперативно – розыскного обеспечения допроса может стать отправной точкой для следователя при производстве допроса лица, с которым встречается в первый раз, позволить критически оценивать показания, даваемые допрашиваемым лицом. М.М. Васягиной справедливо отмечено: «Оперативная информация должна служить ориентиром, позволяющим критически оценивать на предмет соответствия действительности, а также отличить заведомо ложные показания от ненамеренно ложных»[5, С. 27].

Производство допроса может быть обеспечено непосредственным участием оперативного работника. Такая мера особенно необходима, когда есть риск распространения самим следователем особо важной оперативно – розыскной информации. Как считают О.А. Машовец, С.И. Конева: «Непосредственное участие оперативного работника в проведении допроса будет тактически обоснованным также в случае, когда им используются данные, полученные непроцессуальным путем, в которые нецелесообразно посвящать следователя ввиду повышенной опасности разглашения источника получения, но которые могут создать у допрашиваемого в самом начале допроса впечатление о принципиальной невозможности ложных показаний»[6, С. 106].

В работе В.И. Брылева, Л.А. Лях, Е.В. Кульковой [4, С. 158] затронуты актуальные проблемы оперативно – розыскного производства допроса потерявшего и свидетелей по делам против жизни и здоровья, которые будут рассмотрены и в настоящем исследовании. При расследовании уголовных дел, связанных с такими объектами уголовно – правовой охраны как жизнь и здоровье, зачастую одной из важнейших фигур выступает потерпевший. В этой связи важно устранение лжесвидетельствования потерпевшего. Причинами этому могут быть и добросовестное заблуждение потерпевшего, давление на потерпевшего со стороны подозреваемого, и неправильное изложение правдивого рассказа. В этой связи является актуальным применение оперативно – розыскных мер обеспечения допроса. С помощью оперативно – розыскного обеспечения допроса потерпевшего по уголовным делам против жизни и здоровья, сотрудника оперативно – розыскных органов могут быть своевременно установлены свидетели – очевидцы, может быть произведен опрос граждан с места происшествия, проведены беседы с жителями или работниками организаций и учреждений. Результаты оперативно – розыскных мероприятий могут оказаться полезными для следователя в случаях, когда потерпевшим будут даны ложные показания. Кроме того, проведение оперативно – розыскных мероприятий зачастую позволяет установить связь между потерпевшим и подозреваемым, иные связи потерпевшего и подозреваемого, что не может быть установлено следователем.

Таким образом, оперативно – розыскное обеспечение производства допроса играет огромную

роль. Оперативно – розыскное производство допроса повышает эффективность такого следственного действия как допрос. Обеспечение следователем результатами оперативно – розыскной деятельности перед производством допроса, позволяет следователю еще до допроса владеть правдивыми сведениями, таким образом, при даче допрашиваемым лицом неправдивых показаний, критически к ним относится.

При анализе действующего законодательства, посвященного оперативно – розыскному обеспечению предварительного следствия, выявили, на наш взгляд, неправильные задачи оперативно – розыскной деятельности, поставленной в действующем законодательстве. Считаем, что раскрытие преступлений – исключительная прерогатива органов предварительного расследования, а содействие раскрытию преступлений – дачи оперативно – розыскной деятельности.

Одна из актуальных проблем оперативно – розыскного производства допроса – лжесвидетельствование потерпевших по делам о преступления против жизни и здоровья. Своевременные меры, принятые в рамках оперативно – розыскной деятельности, и ее результаты могут быть полезными для следователя при производстве допроса потерпевшего.

Библиографический список:

1.Правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. - 1993, 25 декабря; 2014, 7 июля.
2. Об оперативно – розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 33. - Ст.3349.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2020г.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52. - Ст. 4921.

Научная и учебная литература:

4. Брылев, В.И., Лях, Л.А., Кулькова, Е.В. Оперативно – розыскное сопровождение допроса потерпевшего и свидетелей по делам против жизни и здоровья // Общество и право. - 2013. - № 4(46). - С. 158-163.
5. Васягина, М.М. Оперативно – розыскное сопровождение допроса // Инновационная наука. - 2016. - № 5. - С. 27-28.
6. Машовец, А.О., Конева, С.И. Допросы в судебном следствии по уголовному делу // Уголовное право. - 2013. - № 2. - С. 104-109.
7. Насонова, И.А. Об отдельных аспектах соотношения уголовно – процессуальной и оперативно – розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. - 2015. - № 3. - С. 123-130.
8. Рыжаков, А.П. Допрос: основания и порядок производства [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». 2013. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=17478 (дата обращения: 24.11.2020).
9. Сидоров, А.С. Раскрытие преступлений - общая задача уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2013 г.) Выпуск 10. В 2 ч. Ч. 2. - Тюмень: ТГАМЭУП, 2013. - С. 231-234.
10. Тенгизова, Ж.А., Джумаева, Р.Х. Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 1. - С. 98-99.

Гребенщикова Кристина Ильгаровна
Grebenshchikova Kristina Ilgarovna
Магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
E-mail: grebenshikova_kristina@mail.ru

УДК 343.222.4

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

PROBLEMS OF IMPROVING LEGAL REGULATION AND THE USE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOR

Аннотация. В статье осуществлен анализ правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ. Рассмотрены наиболее актуальные проблемы. Эта проблематика занимает важное место, поскольку находится на «стыке» отечественного уголовного и уголовно-исполнительного права. Предложено законодательное решение обозначенных проблем.

Abstract. The article analyzes the legal regulation of the execution of criminal punishment in the form of correctional labor. The most urgent problems are considered. This problem occupies an important place, since it is located at the «junction» of domestic criminal and penal enforcement law. A legislative solution to these problems is proposed.

Ключевые слова: исполнение наказания, исправительные работы, проблемы законодательного регулирования, осужденный, работодатель.

Keywords: execution of punishment, correctional work, problems of legislative regulation, convicted person, employer.

В последнее десятилетие в Российской Федерации снижается количество осужденных, направляемых в места лишения свободы. Исправительные работы как вид уголовного наказания применяются достаточно продолжительное время и зарекомендовали себя эффективным видом наказания, сочетающим в себе карательные меры и воспитательное воздействие на осужденного. Положительным для лица, которому назначается данный вид наказания, является то, что осужденный не изолируется от общества, а продолжает проживать в привычной для него социальной среде, осуществлять трудовую функцию в трудовом коллективе. Все это позволяет предотвратить негативное воздействие, с которым осужденный мог бы столкнуться в местах лишения свободы.

Вместе с тем, несмотря на наличие положительных моментов применения наказания в виде исправительных работ, существуют и определенные проблемы, с которыми сталкиваются уголовно-исполнительные инспекции при исполнении данного вида уголовного наказания.

Обобщение практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций, которые исполняют данный вид наказания, позволяет выявить ряд проблем прикладного характера, с которыми сталкиваются сотрудники данных инспекций практически ежедневно, что указывает на то, что эти проблемы приобрели системный характер, что говорит о необходимости выработки оптимальных мер по их устранению.

К этим проблемам, имеющим наиболее важное, по нашему мнению, значение для эффективного функционирования уголовно-исполнительных инспекций можно отнести следующие:

1. Отсутствие возможности трудоустроить осужденного в указанный в ч. 2 ст. 39 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020)[1] (далее – УИК РФ) срок, то есть, в течение тридцати суток со дня получения уголовно-исполнительной инспекцией соответствующего распоряжения суда с копией приговора (определения, постановления), в котором указано, что этот осужденный приговорен к данным работам. В первую очередь, отсутствие этой возможности связано с неимением у осужденных к рассматриваемым работам паспортов и иных документов, необходимых для трудоустройства. В частности, значительная часть работ, на которых можно было бы трудоустроить таких осужденных,

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

предполагает обязательное прохождение медицинской комиссии. Если же в данный срок эту комиссию таким осужденным удается пройти, то имеют место быть случаи выявления у них различного рода заболеваний, исключающих возможность их трудоустройства, что существенно сокращает круг поиска работы для них.

2. Безусловно, самой важной проблемой трудоустройства осужденных рассматриваемой группы является то, что сами работодатели неохотно соглашаются с принятием к себе на работу данных осужденных. Это связано с тем, что, как показывает практика, эти осужденные работают неохотно, неэнергично, допускают брак в своей работе, и, вообще, могут испортить трудовой инвентарь или же продать его, а в таком случае взыскать с них денежные средства практически невозможно.

3. Возникает проблема и в том случае, если осужденный не был ранее трудоустроен, в этом случае уголовно-исполнительная инспекция организует работу по его трудоустройству. В современной рыночной экономике прослеживаются преобладание частнособственнических форм хозяйствования и высокий уровень безработицы, и вряд ли работодатели будут создавать дополнительные рабочие места для использования труда осужденных к исправительным работам. Им более выгодно выбрать себе «вольного» работника, который и будет надлежащим образом выполнять свои обязанности, чем трудоустраивать осужденного к исправительным работам. И действенных рычагов воздействия на таких руководителей со стороны уголовно-исполнительных инспекций и, впрочем, местных властей практически нет.

4. Вопрос о том, подлежат ли досрочному освобождению лица, осужденные к наказанию в виде исправительных работ, достигшие пенсионного возраста, законодательно не урегулирован. По нашему мнению, в такой ситуации возможно применение закона по аналогии, в соответствии с нормами о привлечении к труду осужденных к лишению свободы. Так, согласно ч. 2 ст. 103 УИК РФ осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, привлекаются к труду по их желанию в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде и законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов.

5. Согласно ч. 4 ст. 40 УИК РФ осужденный к исправительным работам не имеет права отказываться от той работы, которая будет ему предложена. При этом, как справедливо отмечается в научных работах, не предусмотрена правовая ответственность осужденного, если он будет отказываться от предложенной работы.

6. Законодатель, при перечислении в ч. 5 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020)[2] (далее – УК РФ) лиц, которым не назначаются исправительные работы, не указал такую категорию граждан как «лица, достигшие пенсионного возраста». Ведь известно, что согласно трудовому законодательству пенсионеры освобождаются от трудовой функции и дальнейшую работу выполняют по собственному желанию. Согласно Федеральному закону от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»[3] с 2019 года мужчины выходят на пенсию в 65 лет, а женщины – в 60. То есть, исходя из состояния здоровья, физического состояния большинство из них просто не сможет работать в таком возрасте.

Для решения обозначенных проблем исполнения наказания в виде исправительных работ можно предложить следующие меры:

– исключить из ч. 1 ст. 50 УК РФ указание на то, что исправительные работы отбываются по месту жительства лица, осужденного к ним;

– внести конкретизирующее дополнение в ч. 2 ст. 39 УИК РФ о том, что трудоустройство осужденных к исправительным работам сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций должно быть осуществлено в течение тридцати рабочих дней;

– дополнить ст. 13 Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 31.07.2020) «О занятости населения в Российской Федерации»[4] частью 5, где предусмотреть установление квоты для приема

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

[4] Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 31.07.2020) «О занятости населения в Российской Федерации» // Ведомости

на работу лиц, осужденных к отбыванию наказания в виде исправительных работ, в размере 1% среднесписочной численности работников;

– ч. 4 ст. 42 УИК РФ дополнить: «в случае достижения лицами, отбывающими наказание в виде исправительных работ, возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, в соответствии с законодательством Российской Федерации, они вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении их от дальнейшего отбывания наказания»;

– дополнить ч. 3 ст. 46 УИК РФ положением, согласно которому осужденный, отказавшийся от предложенной ему работы, будет признаваться злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ;

– дополнить ч. 5 ст. 50 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «5. Исправительные работы не назначаются лицам, признанным инвалидами первой группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на воинских должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву, лицам, достигшим пенсионного возраста».

Библиографический список:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 41. – Ст. 6190.

4. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 31.07.2020) «О занятости населения в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 18. – Ст. 566.

Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1991. – № 18. – Ст. 566.

Синяева Алёна Андреевна
Sinyaeva Alena Andreevna
Магистрант ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Томилов Александр Юрьевич
Tomilov Alexander Yurievich
Научный руководитель, доцент, канд. юрид. наук

УДК 347.26

СЕРВИТУТ В СИСТЕМЕ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

REDUCED REAL RIGHTS SERVICE

Аннотация: В статье проведено исследование проблемы сервитута в системе ограниченных вещных прав. Автор анализирует мнения ученых, исследующих понятие «сервитут», и раскрывает его некоторые особенности.

Abstract: The article studies the problem of easement in the system of limited property rights. The author analyzes expert knowledge, examines the concept of "easement", and reveals some of its features.

Ключевые слова: сервитут, ограниченные вещные права, сервитутные отношения.

Key words: servitude, limited property rights, servitude.

Изучение норм действующего гражданского права свидетельствует о существовании определенных юридических проблем, связанных с отсутствием достаточно четкой регламентации конкретных оснований и механизмов ограничения прав собственников на земельные участки в Российской Федерации (Далее – РФ), в частности размещение объектов «общественного использования», а также несовершенством реализации норм о порядке установления сервитутных отношений.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость реформирования правоотношений в области вещных прав на недвижимое имущество в РФ, что в свою очередь говорит о необходимости теоретического осмысления сервитута.

На сегодняшний день активно идет процесс развития законодательства в сфере гражданского права, в том числе и сервитутного права. Это подтверждается внесением изменений в земельное законодательство, уже вступившими в силу, и, конечно же, активной работой законодателей по приведению норм гражданского права в соответствие с Концепцией развития гражданского законодательства [8] (Далее - Концепция).

Тем не менее, в отечественной цивилистической литературе до сих пор нет общепринятой классификации сервитутов в соотношении с действующим российским законодательством. Нет единого понимания в определении сущности самого понятия «сервитут», не выработано общепризнанное определение данного института.

Проблематика данного института проявляется в научных дискуссиях, которые ведутся, начиная от истории развития и понятия сервитута, заканчивая правовой природы данного права.

В 2017 году Председатель Правительства Д. Медведев дал Распоряжение в Государственную Дума Федерального Собрания РФ внести проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов» [12], который бы позволил раскрыть многие вопросы о сервитутных отношениях. Так, например, в данном проекте особое внимание уделено новому пониманию публичного сервитута, предлагается внести в Земельный кодекс Российской Федерации [7] (Далее – ЗК РФ) ряд актуальных для правоприменителя положений, касающихся целей и условий установления публичного сервитута, органов, принимающих решения об установлении публичного сервитута в отношении земельных участков и (или) земель).

Несмотря на то, что проект пока не вступил в законную силу, и, ввиду наличия очевидной потребности в урегулировании вопросов пользования чужими земельными участками методами и средствами, не носящими характера посягательства на частную собственность (что противоречило бы многим положениям конституции, с одной стороны, и могло бы оказаться чрезвычайно

затратным – с другой), тема правоотношений по поводу сервитута остается актуальной.

В Концепции отмечается, что имеющееся нормативное регулирование сервитутов недостаточно из-за отсутствия определенности их содержания.

Как верно отмечал А. Гусаков «у большинства цивилистов сервитуты являются чем-то произвольным, без чего, пожалуй, легко было бы обойтись; совершенно излишним наслоением в стройной системе гражданского права» [2, 79]. В рамках общих положений о праве сервитутов наиболее радикально затронуты вопросы понятия данного права и договора, как основания возникновения соответствующих прав.

Надлежит констатировать, что ГК РФ не содержит четкого и однозначного определения сервитута как правовой дефиниции. На данное обстоятельство справедливо указывают Л.В. Щенникова и М.А. Арсланалиев, подчеркивающих, что одним из недостатков законодательного регулирования в данной области является отсутствие четкого единообразного определения [19, с. 177], так как кодифицированные акты не содержат в себе определение, а в федеральном законодательстве и иных нормативно-правовых актах оно раскрывается противоречиво.

В соответствии со ст. 274 ГК РФ «собственник земельного участка обладает правомочием потребовать от собственника соседнего земельного участка или в некоторых случаях другого участка предоставления возможности пользоваться участком в ограниченном порядке».

Ст. 274 ГК РФ по своей сути является данным законодательным понятием сервитута, однако, если обратиться к мнениям отечественных цивилистов по поводу сервитута, то выяснится, что понятие и признаки данного цивилистического института выделяются исследователями далеко не единодушно, существует много достаточно противоречивых мнений. Не способствует этому и отсутствие определения сервитута в Концепции и в Концепции развития законодательства о вещном праве [9]. Хотя, законодатель делает оговорку, что данное положение вещей не способствует повышению эффективности законодательства.

И.В. Афанасьев обоснованно отмечает, что содержание сервитутного права выведено в отдельные нормы в связи с тем, что вводятся новые виды сервитутов (положительные и отрицательные) [4].

В рамках упомянутого спектра мнений необходимо рассмотреть также определения сервитута, данные в учебной литературе по гражданскому и земельному праву. Ю.К. Толстой считает, что под сервитутом необходимо понимать правомочие пользования недвижимым имуществом (понимаемого исследователем в качестве активного действия, которое может распространяться на весь объект недвижимости), но имеющего некоторые ограничения в рамках установленных правоотношений. По мнению исследователя, в случае сервитута степень полноты использования земельного участка ограничена возможностью совершения конкретных действий при помощи заключения определенного сторонами гражданского отношения [5, с. 396].

Весьма актуальными и верными являются позиции Д.В. Дождева о том, что сервитут — это «качество обладания участком», и А.В. Копылова о том, что сервитут представляет собой «ограничение свободы собственника в отношении его имущества» [10, с. 96].

Е.А. Суханов понимает сервитут несколько уже, указывая, что «сервитутом является возникающее, на основе заключения договора, отношения собственников соседних земельных участков правомочие по ограниченному пользованию соседними земельными участками» [18, с. 593].

Б.В. Ерофеева утверждает, что «сервитут – это исключительно ограниченное пользование соседнего земельного участка» [6, с. 206].

В исследовательской литературе, в силу объективных обстоятельств, наблюдается более широкий спектр мнений. Так, А.А. Бирюков, предлагает понимать под сервитутом вещное право по ограниченному использованию чужого недвижимого имущества в рамках строго ограниченного соглашением объема и обозначенных пределах.

Л.В. Щенникова понимает под сервитутом активное право лица, позволяющее пользоваться чужой недвижимостью в конкретном правоотношении [19, с. 178]. Автор также считает, что сервитут представляет собой право, закрепленное в действующем законодательстве, за физическим либо юридическим лицом и предоставляющее возможность пользования чужого недвижимого имущества в ограниченном законом объеме. Как видно, в данном определении автор основной акцент сделал на структуру гражданского правоотношения, четко выделив такие компоненты сервитута, как субъекты, объекты правоотношения и его содержание [19, с. 178].

По мнению А.Г. Ананьева полагает, что «перечисленные выше признаки не могут быть признанными в качестве самостоятельных, а по своей сути являются следствием всего лишь двух объективных признаков вещных прав – признака абсолютности вещного права и признака особого материального объекта этих отношений – индивидуально определенного объекта недвижимости» [1, с. 13].

В судебной практике имеется весьма удачный взгляд на правовую сущность сервитута, состоящий в том, что сервитут «является вспомогательным способом реализации лицом права собственности в отношении принадлежащего ему имущества при наличии препятствий для его использования в полной мере» [17].

Сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда <…>, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, <…> а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута. (абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ).

Основываясь на мнения ученых, предлагается выделить основополагающие признаки сервитута:

1 Основной признак – сервитут является вещно-правовой составляющей данного института. Удовлетворение интересов и целей сервитуария в отношении конкретного объекта недвижимости обеспечивается при помощи воздействия на эту самую недвижимую вещь или имущество, поэтому субъективное правомочие по ограниченному пользованию земельным участком является частью вещного правоотношения.

2. Сервитут может предоставить право только по ограниченному пользованию имуществом. Например, сервитуарий, не имеет права распоряжаться служебным жилым помещением. В остальных случаях объем субъективных прав является самым различным и должен определяться гражданско-правовым соглашением между собственником имущества и сервитуарием, а в случае публичного сервитута – законодательными актами государственных органов и местных органов власти [19, с. 38].

3. Наличие недвижимого имущества, являющегося ограниченной вещью сервитута. Объектом сервитутных отношений выступает недвижимое имущество, являющееся специфической разновидностью имущества как такового. Действие ст. 274 ГК РФ об установлении сервитута распространяется исключительно на земельные участки, а статьи 277 ГК РФ не только на здания (сооружения), но и на любое другое имущество недвижимого характера, которое может быть ограничено в использовании.

4. На ограниченную сервитутом вещь сервитуарий не должен иметь право на распоряжение, поскольку объект сервитутных отношений является «чужим».

Понятие «правовое ограничение», к сожалению, до сих пор не определено в действующем законодательстве и не так хорошо, как этого бы хотелось разработано в цивилистике. Одновременно широкое использование данного понятия в российском законодательстве при учете отсутствия законодательной и доктринальной формулировки порождает коллизии на практике. В связи с наличием такого пробела в последнее время указанный вопрос является предметом некоторых исследований, причем не только на общетеоретическом уровне, но и в исследованиях специалистов-практиков в области земельного и гражданского права.

Определение понятия «ограничение (обременение) права» было дано в ст. 1 закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ [14] (ныне утратившего силу в связи с началом действия закона «О государственной регистрации недвижимости» от 03.07.2015 № 218-ФЗ [13] (Далее — Закон № 218-ФЗ). Это наличие запретов и условий, стесняющих определенного правообладателя конкретной недвижимости в ходе пользования объектом или осуществления иных правомочий. Такие условия и запрещения появляются: по прямому указанию, содержащемуся в законодательных нормах; на основании соглашения субъектов; по инициативе уполномоченных органов.

В соответствии со ст. 131 ГК РФ ограничения прав нуждаются в государственной регистрации:

- для недвижимости — в обязательном порядке;
- для движимых вещей — в случаях, определенных законом.

Кроме того, в той же норме имеется положение, согласно которому кроме общей государственной регистрации для некоторых видов недвижимого имущества может вестись

отдельный (специальный) учет. Например, учет жилищного фонда в соответствии с постановлением Правительства РФ «О государственном учете жилищного фонда в Российской Федерации» от 13.10.1997 № 1301 [15].

Как и любые правила, порядок регистрации ограничения прав подразумевает исключения. Так, не регистрируется обременение коммерческим наймом жилого помещения, если такое соглашение заключено на срок меньше года.

Таким образом, в действующем законодательстве отсутствует определение «обременение права». Использование же старого определения не противоречит реальной практике, несмотря на то, что оно обладает рядом недостатков.

Во-первых, по мнению Г.А. Мисник, указанное определение не позволяет разделить обязанности от ограничений прав субъекта, представляющих содержание субъективного гражданского права [11, с. 26].

Кроме того, по мнению этого же исследователя, в определении не дана содержательная характеристика ограничений права, то есть, по сути не определен вопрос по поводу, касаются ли ограничения конкретных прав собственника или же всего перечня его правомочий.

Во-вторых, представленное в законе определение не предъявляет общего требования законодателя к форме будущих ограничений, то есть из данного определения, непонятно должны ли быть государственно зарегистрированы подлежащие секвестру права или же только конкретные виды ограничений, список которых должен быть установлен на федеральном уровне.

Проанализировав позиции ученых и нормативную правовую базу относительно понимания и правовой природы сервитута, позволяется сделать вывод о необходимости внесения некоторых изменений в статью 274 ГК РФ, регламентирующую гражданско-правовой институт «сервитут».

В этой связи, предлагается название ст. 274 ГК РФ определить, как частный сервитут и внести дополнительный пункт 3.1. в данную норму, позволяющую разъяснять положения частного сервитута.

Итак, предлагаемую норму следует сформулировать следующим образом: «Статья 274. Частный сервитут

3.1. Частный сервитут – это субъективное вещное право, возникающее на основании договора, на всю или определенную часть чужого недвижимого имущества, без пользования которого сервитуарий не может осуществлять свои законные правомочия».

Как следует из пункта 3 ст. 274 ГК РФ «сервитут может быть установлен в результате достижения соглашения между лицом, которое требует установления права сервитута и собственником земельного участка».

Данная законодательная реформа позволит правоприменителю толковать нормы о сервитуте с учетом того, что в предложенном определении будет заложено смысловое значение правовой природы данного института.

Библиографический список:

1. Ананьев А.Г. Договор об установлении сервитута // Юрист. 2013. № 18. С. 13.

2. Ананьев А.Г. Тенденции развития отечественного законодательства о сервитутах // Человеческий капитал. 2016. № 10. С. 79.

3. Арсланалиев М.А. Понятие сервитута в гражданском праве России [Электронный ресурс] // Цивилист. 2010. № 1 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.12.2020).

4. Афанасьев И.В. Сервитут в системе ограниченных вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://base.consultant.ru/ (дата обращения: 12.12.2020).

5. Гражданское право. Часть 1: учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М., 2018. С. 396.

6. Ерофеев Б.В. Земельное право: учебник для академического бакалавриата / Под ред. Л.Б. Братковской. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 206.

7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Российская газета от 30 октября 2001 г. № 211-212.

8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: Решение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

9. Концепция развития законодательства о вещном праве: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Протокол № 3 от 18 марта 2009 г. // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4. С. 102 – 185.

10. Копылов А.В. Сервитуты в римском, русском дореволюционном и современном гражданском праве // Древнее право. Ivs antiqvvm. - М.: Спарк, 1997, № 1 (2). - С. 93-109

11. Мисник Г.А. Некоторые виды ограничений вещных прав на землю // Правовые вопросы строительства. 2014. № 1. С. 26.

12. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов (Проект Федерального закона № 187920-7: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 мая 2017 г. № 1043-р // Собрание законодательства РФ от 05 июня 2017 г. № 23. Ст. 3403.

13. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета от 17 июля 2015 г. № 156.

14. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета от 30 июня 1997 г. № 145.

15. О государственном учете жилищного фонда в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 13.10.1997 № 1301 (ред. от 30.01.2013) // Собрание законодательства РФ от 20 октября 1997 г. № 42. Ст. 4787.

16. Решение Белореченского районного суда 10 октября 2018 г. по делу № 2-1293/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8PsnnM5RA9Yd/ (дата обращения: 20.12.2020).

17. Решение Советского районного суда г. Орла от 16 октября 2018 г. по делу № 2-1137/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3MbAf933lVQw/ (дата обращения: 20.12.2020).

18. Российское гражданское право: учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М., 2018. Т. 1. С. 593.

19. Щенникова Л.В. Проблемы вещного права: монография. М., 2017. С. 177 – 178.

Бонковский Степан Степанович
Bonkovskiy Stepan Stepanovich
Студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, юридический факультет.

УДК 352/354-1

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

MUNICIPAL ELECTIONS IN THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: THEORY AND PRACTICE

Аннотация: Автор анализирует концепт муниципальных выборов в системе местного самоуправления в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что именно муниципальные выборы составляют исходную, фундаментальную основу реализации населением местного самоуправления не территории нашей страны.

Abstract: The author analyzes the concept of municipal elections in the system of local self-government in the Russian Federation. The conclusion is made that it is the municipal elections that constitute the initial, fundamental basis for the implementation of local self-government by the population on the territory of our country.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные выборы.

Key words: local government, municipal elections.

Муниципальные выборы являются безусловно фундаментальной основой при формировании и функционировании местного самоуправления в Российской Федерации. Они позволяют в полной мере реализовать конституционные демократические ценности, обеспечить преемственность и легитимность муниципального управления, стабилизировать работу местных органов власти, подключить население к реальному разрешению насущных проблем и вызовов, стоящих перед местными сообществами.

Как подчеркивается в доктрине конституционного права, муниципальные выборы выступает ключевым элементом демократических процессов на местном уровне управления [1; с. 41]. В этом контексте не лишне напомнить, что фундаментальные конституционные ценности, а также – атрибуты демократического правления и верховенства права неразрывно связаны с гарантированной законом возможностью местных сообществ формировать свои органы власти, включая избрание должностных лиц местного самоуправления.

Нельзя забывать и о культурно-воспитательной значимости муниципальных выборов. Они стимулируют постоянное развитие и совершенствование качества местных политических элит, повышают уровень правовой культуры населения, их активизируют гражданскую позицию, интенсивно повышают политическое самосознание и правосознание всех участников избирательного процесса. Рассмотренные в таком ключе, муниципальные выборы следует признать в качестве ключевого компонента политических процессов и демократических институтов в любом сообществе, включая и уровень местного самоуправления.

Официальная норма-дефиниция муниципальных выборов в конституционном законодательстве отсутствует, что продуцирует научные дискуссии и многообразные интерпретации.

Ряд правоведов под муниципальными выборами понимают совокупность взаимосвязанных общемуниципальных процедур, вбирающих в себя одновременно и представительную, и непосредственную демократию, в рамках которых населением конкретного муниципального образования реализуется конституционно провозглашённое субъективное право на основе муниципального устава избирать депутатов представительного ОМС, главы муниципального образования, других должностных лиц местного самоуправления [2; с. 9-10].

Другие авторы, используя концепт «клиентоориентированного» государственного управления, убеждены в том, что через муниципальные выборы местным сообществом осуществляется своеобразный «найм» тех менеджеров и управленцев, которым поручается публичное управление в муниципальном образовании [3; с. 4].

Проанализировав доктринальные источники, нормы и принципы избирательного законодательства, а также – релевантные материалы судебной практики, мы обобщили специфику, которая характеризует муниципальные выборы на современном этапе государственного строительства в нашей стране.

Во-первых, муниципальные выборы как форма осуществления демократического правления максимально приближены к народу, который, как известно, на конституционном уровне признаётся в качестве единственного источника власти в стране. Эти выборы проводятся, как правило, на незначительных в территориальном аспекте участках. Отсюда – немногочисленность избирательных округов. В этом контексте на местном уровне, в отличие от федеральных и региональных выборов, избиратели традиционно отдают приоритет не партийной и не политико-идеологической приверженности кандидата, но – его личностным характеристикам, обычно хорошо известным знакомым электорату. Это особенно актуально, если кандидаты проживают в небольшом населенном пункте, где трудно скрыть свои достоинства и недостатки. Поэтому мы солидарны с точкой зрения А.Р. Шастиной, которая весьма обоснованно констатирует более высокую избирательную активность в сельских населенных пунктах, чем в городах, что, по её мнению, можно объяснить электоральными мотивациями, а также – тем, что кандидаты здесь максимально приближены к населению, т. е. избиратели буквально знают каждого из них «в лицо» [4; с. 15].

Во-вторых, муниципальные выборы характеризует особый электоральный субъект, а именно: местное сообщество. Нужно напомнить, что уровень местного самоуправления составляет самостоятельный уровень власти, весьма интенсивно взаимодействующий с системой госорганов, но при этом – не сливающийся с ними. Население муниципального образования на территории последнего, согласно Основному Закону, непосредственно осуществляет местное самоуправление, подчёркивая территориальную общность местного электората.

В-третьих, функционально-целевая направленность муниципальных выборов. Поскольку уровень местного самоуправления конституционно обособлен от системы госорганов, местное самоуправление предназначено разрешать вопросы в различных формах, включая и институт муниципальных выборов.

В-четвёртых, муниципальные выборы выступают настоящим «политическим университетом» для избирателей [1; с. 42]. К сожалению, политическая апатия, правовой нигилизм, недоверие к политическим институтам, отчуждение народа от власти и широко распространены на всех уровнях государственного управления. В этом контексте многие специалисты рассматривают институт муниципальных выборов как начальную школу политического образования и просвещения граждан. Каждая предвыборная кампания на местном уровне закономерно сопровождается прямыми контактами и коммуникациями между населением и представителями местной политической элиты, где последними предлагаются свои «рецепты» развития территории, заслуживаются предложения и критика, сформулированные непосредственно населением муниципального образования, в формате совместного общения кандидатов и избирателей выявляются насущные проблемы и продуцируются перспективные пути их решения. Избиратели получают в свои руки мощный рычаг влияния на текущее и перспективное развитие своей территории, на местные дела.

И, наконец, будучи максимально приближенными к населению, муниципальные выборы в полной мере позволяют учесть историко-культурные и региональные традиции. В частности, на муниципальных выборах региональными законодателями может допускаться введение возрастных ограничений пассивных избирательных прав.

Подводя итоги исследования, приходим к заключению о том, что именно муниципальные выборы составляют исходную, фундаментальную основу реализации населением конституционных прав на местное самоуправление не территории нашей страны. Эта форма политической самоорганизации позволяет оптимизировать организационно-структурный формат местного самоуправления на конкретных территориях с учетом ее региональной и культурно-исторической специфики, отобрать поистине достойных кандидатов представлять интересы местного сообщества. Тем самым институт муниципальных выборов предстает перед нами в качестве ключевого демократического и организационно-правового формата вовлечения населения в управления делами местного сообщества, выступает одной из форм его политической самоорганизации.

Библиографический список:

1. Берлявский Л.Г., Махова А.В. Избирательные системы, применяемые на муниципальных выборах в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. N 6. С. 40–45.

2. Ермаков Д.А. Муниципальные выборы – основополагающая форма осуществления местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 8–12.

3. Алексеева Л.А. К вопросу о выборах в органы местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. N 1. С. 3–5.

4. Шастина А.Р. Об установлении конкурсных требований к кандидатам для избрания на должность главы муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. N 3. С. 14–17.

Мосиянова Маргарита Юрьевна
Mosiyanova Margarita Yurievna
Студент Саратовской государственной юридической академии, институт правоохранительной деятельности. E-mail: ms.margarita2015@yandex.ru

Хомутецкий Всеволод Олегович
Khomutetskiy Vsevolod Olegovich
Студент Саратовской государственной юридической академии, институт правоохранительной деятельности.

УДК 327.5

РОЛЬ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

THE ROLE OF THE UN IN THE SETTLEMENT OF INTERNATIONAL CONFLICTS

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы роли ООН в урегулировании международных конфликтов, среди которых и конфликт в Сирии. Производится анализ основных периодов существования ООН с момента ее основания.

Abstract. The article touches on the role of the UN in the settlement of international conflicts, including the conflict in Syria. The analysis of the main periods of the UN's existence since its inception is carried out.

Ключевые слова: международные конфликты, мировое сообщество, коллективная безопасность, роль ООН, международная организация.

Keywords: international conflicts, the world community, collective security, the role of the UN, international organization.

Двадцатое столетие ознаменовало себя большим количеством конфликтов, где погибало очень много людей. Конфликты переросли в один из основных факторов нестабильности на земле. Для всего мирового сообщества современные конфликты представляют серьезную угрозу.

В настоящее время возрастает угроза международного терроризма, ввиду чего мировое сообщество испытывает множество проблем. Избежать их помогут меры по усилению коллективной безопасности и урегулированию всякого рода международных конфликтов.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) и является такой организацией. Ее основной деятельностью является поддержание международного мира и безопасности и предотвращение международных конфликтов[3, 24-47].

ООН выступает всемирным форумом, где страны-участники обсуждают вопросы, касающиеся войны и мира. Пути мирного урегулирования споров вырабатываются при установлении диалога между главами правительств. Генеральный секретарь здесь может стимулировать диалог между странами, как напрямую, так и через представителя.

Для того, чтобы предотвратить угрозу международному миру и безопасности, Организация Объединенных Наций объединяет все государства.

Совет Безопасности учреждает миротворческие операции, Генеральный секретарь же занимается их руководством. В том случае, если в Совет Безопасности поступает информация об угрозе миру, то он просит стороны к урегулированию спора мирным путем. При непрекращающихся военных действиях, Совет Безопасности пытается добиться прекращения огня[4, 34].

Основание ООН выпало послевоенное время (1945 год). Для этого 51 страна была объединена для поддержания мира и безопасности во всем мире.

Изначально СССР был против такого подхода, который определял контроль над определенными стадиями международных конфликтов. Такая критика продолжалась до 1970-х годов, когда СССР была признана допустимость собственного участия в финансировании миротворческих операций. Причиной тому явились положительные изменения в международной ситуации. Определенную роль здесь сыграли также потепление отношений с США[8, 521].

За время своей деятельности ООН подтвердил свое предназначение по урегулированию конфликтов. В рамках ООН были подписаны многие резолюции, среди которых о сокращении

вооружений, о полном и всеобщем разоружении, об укреплении международной безопасности и др.

В решении конфликта между сторонами ООН выступает третьей стороной. Совет Безопасности опирается на военную силу и принцип единогласия своих постоянных членов, из пяти государств.

Целями ООН являются:

1. Поддержание международного мира и безопасности
2. Развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения, принципа равноправия, а также самоопределения народов
3. Осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, культурного, социального и гуманитарного характера
4. Направлять нации на достижение общих целей.

История международных конфликтов, которая относилась к деятельности ООН, условно делится на два периода.

Так, первый период относится к моменту основания и до 1990-х годов.

С 1948 по 1987 года осуществлялась миссия Конго по переброске снаряжения и участников. Таким образом, выводились бельгийские силы и оказывалась помощь правительству в поддержании правопорядка и предоставлении технической помощи[5, 12].

Организация Объединенных Наций за время своего существования приобрела значительный опыт в урегулировании вооруженных конфликтов. В настоящее же время большинство столкновений носит внутренний характер. В период «холодной войны» санкции ООН применялись только два раза – против Южной Родезии (Зимбабве) в 1966 году и Южной Африки в 1977 году[7, 42].

Второй период выпал на начало XXI века. Здесь стоит обратить внимание на конфликт, который повлиял и усилил гражданскую войну, произошедший в 2001 году между Америкой и Ираком [6, 352].

Основной конфликт в Сирии случился в 2011 году. Во всем арабском мире начались гражданские протесты. Граждане Сирии требовали отставки президента Башара Асада и утверждения демократических реформ. В некоторых арабских государствах протесты привели к утверждению мирной власти. Сирийский же конфликт приобрел глобальные масштабы. Со временем оппозиционные силы объединились и увеличили давление на власть. Ввиду таких событий, против протестующих государство стало применять репрессивные меры. Таким образом, было создано Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), которые стали иметь успех в Ираке и Иране[9].

В настоящее время ситуация в Сирии остается сложной, несмотря на постоянные попытки ООН остановить существующее кровопролитие.

Итак, в деятельности ООН стоит выделить несколько этапов в урегулировании международных конфликтов:

Первым и основным этапом является предупреждение конфликта. На региональном уровне проходит отслеживание ситуации. Кроме того, на основании с. 35 Устава ООН, государство, не являющееся Членом Организации, может довести до Совета Безопасности о любом в споре, в котором оно является стороной[1].

Второй этап – это операции по поддержанию и установлению мира. Сюда относятся дипломатические переговоры и миротворческие силы. Лишь в случае вооруженного конфликта могут быть применены вооруженные силы ООН.

Третий этап именуется миростроительство, который представляет собой комплекс мер по недопущению конфликтов на указанной территории. К специальным мерам относятся: оказание гуманитарной помощи, наблюдение за режимом прекращение огня, помощь в организации выборов, укрепление механизмов защиты прав человека.

Четвертый этап содержит санкции ООН. Они представлены как методы принудительного и ограничительного характера. Санкции вводятся государствами либо по собственной инициативе, либо по решению международных организаций. Существуют торговые, финансовые, политические, спортивные и культурные санкции, а также санкции в отношении передвижения, каждая из которых несет свое назначение.

ООН обладает большей законностью по сравнению с другими международными организациями, она содержит многопрофильную систему органов и организаций. Она содействует стабильности в мире всеми возможно допустимыми действиями, среди которых усилия по защите прав человека, осуществление дипломатических мер, предотвращение конфликтов.

В заключение отметим, что СССР изначально недооценивал миротворческие функции ООН, но на протяжении около пяти десятилетий оно существенно изменило свой подход.

В современном мире наблюдается большое число международных конфликтов, которые не могут быть урегулированы классическими методами. Каждый конфликт требует к себе индивидуального подхода в его урегулировании.

Таким образом, ООН необходимо пересмотреть отношение к коллективной международной безопасности.

Библиографический список:

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // СПС КонсультантПлюс.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс.
3. Малеев Ю.Н. Совет Безопасности ООН и вопросы международного управления.//Международное право.2006. - № 1(25). - С. 24-47.
4. Брынкина Я.А. Распад СССР и расширение сотрудничества РФ с ООН в области миротворчества / Я.А. Брынкина // Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Социум, 2017. № 80. 34 с.
5. Усенова А.К. Уместность конвенции ООН по водотокам в Центральной Азии, или о факторах «справедливого и разумного использования» / А.К. Усенова // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 10. 12 с.
6. Цыганков П.А. Теория международных отношений. — М., 2012. 352 с.
7. Хохлышева О.О. Международно-правовые проблемы силового миротворчества ООН и возможные варианты их решения / О.О. Хохлышева. М., 2013. 42 с.
8. Щербакин Ю.А. Международные экономические отношения. Интеграция: Учеб. пособие / Ю.А. Щербакин, К.Л. Рожков, В.Е. Рыбалкин. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 2012. 521 с.
9. Новичков М. Сирийский конфликт: суть и причины [Электронный ресурс] // URL: https://www.syl.ru/article/292941/siriyskiy-konflikt-sut-i-prichinyi (Дата обращения 12.12.2020)

Хачиров Расул Казбекович
Khachirov Rasul Kazbekovich
Магистр ФЗДО ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

УДК 343.3/.7

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

STATISTICAL INDICATORS OF CRIMES OF EXTREMISTS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: В статье проведен анализ состояния и динамики преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных на территории Российской Федерации. С учетом полученных данных сделан прогноз развития криминогенной ситуации в условиях пандемии короновирусной инфекции.

Resume: The article analyzes the state and dynamics of extremist crimes registered on the territory of the Russian Federation. Taking into account the data obtained, a forecast was made for the development of a crime situation in the context of a coronavirus infection pandemic.

Ключевые слова: Противодействие экстремизму, состояние и динамика экстремизма, качественные и количественные показатели.

Key words: Countering extremism, state and dynamics of extremism, qualitative and quantitative indicators.

Комплексное изучение состояния и динамики преступлений экстремистской направленности, имеет принципиально важное значение для организации противодействия данному виду преступности. В связи с этим необходимо систематизировать данные статистической отчетности и современные достижения криминологической науки. Полученная информация дает представление о распространенности экстремизма, указывает на наиболее пораженные сферы общественной деятельности, образует направления деятельности субъектов противодействия экстремизму, а также позволяет сделать выводы и подготовить соответствующие предложения. Поэтому представляется целесообразным на соответствующих эмпирических данных, дать общую характеристику состояния экстремистской преступности.

Для понимания структуры рассматриваемых преступлений важно знать перечень статей УК РФ, относящихся к ним. В настоящее время сформирован определенный перечень преступлений экстремистской направленности подлежащих учету статистическими подразделениями. Перечнем № 20 указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 [1] определены группы таких преступлений:

В первую группу преступлений включены статьи УК РФ напрямую относящиеся к экстремистским без каких-либо дополнительных условий: п. "е" ч. 2 ст. 111, п. "е" ч. 2 ст. 112, п. "б" ч. 2 ст. 115, п. "з" ч. 2 ст. 117, п. "б" ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357. При этом сделано дополнение с учетом внесенных изменений в уголовное законодательство. Так, если установить время совершения преступления не представляется возможным, оно квалифицируется в зависимости от даты его выявления: п. «л» ч. 2 ст. 105 (с 12.08.2007 и по настоящее время), п. «б» ч. 2 ст. 116 (если преступление совершено до 15.07.2016) и ч. 2 ст. 119 (до 06.08.2019).

Ко второй группе преступлений отнесены статьи УК РФ, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: чч. 3 и 4 ст. 111, ст. 116, 136, 148, 149, 167, 212, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 239, 243, 244, 317, 318, 335, 336, 354.1. Для данной группы также есть уточнения аналогичные первой группе: п. "л" ч. 2 ст. 105 (до 12.08.2007), ч. 2 ст. 119 (с 06.08.2019 и в настоящее время), ст. 141 (с 12.08.2007 и после), ст. 142 (с 12.08.200 и после), ст. 142.1 (с 12.08.2007 и после), ч. 4 ст. 150 (с 12.08.2007 и после), ст. 213 (до 12.08.2007), ст. 214 (до 01.06.2007), ст. 278 (с 12.08.2007 и после), ст. 279 (с 12.08.2007 и после).

В третью группу входят преступления, связанные преступлений с экстремистской деятельностью: ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 226, 355.

Таким образом, приведенные группы преступлений образуют исключительный комплекс преступлений экстремистского характера, что позволяет с точностью определить их количественные и качественные показатели.

При изучении официальных данных МВД России [2] было установлено, что период с 2014 г. по 2017 г. характеризуется увеличением данного вида преступности на 15,4 % (до 1034 преступлений), 28,5 % (до 1329 преступлений), 41,7 % (до 41,7 преступлений) и 5,6 % (до 1990 преступлений) соответственно. В 2017-2018 гг. уменьшилась регистрация преступлений экстремистской направленности (-16,8%, всего 1265 преступлений). Значительное снижения рассматриваемых преступлений зарегистрирован в 2019 году (–50,2 %, до 883 преступлений)

В структуре преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 2014 по 2019 год установлено, что самым распространённым видом рассматриваемой преступности является публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации (ст. 282-2 УК РФ), а также возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), вместе с тем следует отметить, что в 2019 году количество данного преступления значительно снизилось (до 71 преступления).

В рассматриваемый период небольшое количество имеют насильственные преступления (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ), а также преступления против общественной безопасности (п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ), совершенные по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды.

В 2019 году в структуре преступлений экстремистской направленности почти половину всех преступлений составили публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) (47,5 %; 278), чуть больше четверти – организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) (27,5 %; 161).

Кроме указанных, было зарегистрировано 2 убийства по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, 20 фактов угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по таким же мотивам.

Более чем на две трети (–68,9 %) сократилось количество преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием сети Интернет, чему способствовало, в том числе, запрещение Минюстом России к распространению более 190 материалов экстремистского содержания, а также блокировка Роскомнадзором ссылок на интернет-ресурсы, содержащие включенные в Федеральный список экстремистские материалы.

Небольшое процент выявляемости имеют преступления, связанные с финансирование экстремистской деятельности (ст. 282-3 УК РФ) и организация экстремистского сообщества (ст. 282-1 УК РФ).

Обобщая полученные данные о количестве преступлений экстремистского характера, зарегистрированных в 2019 году был сделан вывод, что основное количество рассматриваемых преступлений составляют деяния предусмотренные статьями 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 283.3 УК РФ, остальные преступления предусмотренные Перечнем в общем количестве составляют 14,9 % от всех совершенных.

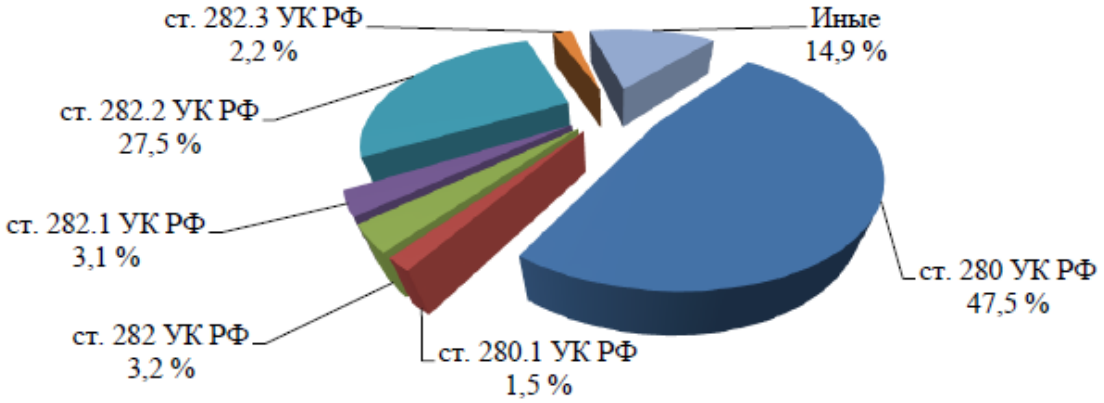

Рис. 1. Структура преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 2019 году

Рассматривая мотивы совершения преступлений экстремистского характера было выявлено, что в основном они были связаны с ненавистью или враждой на национальной почве (147 преступлений), религиозным убеждениям (111 преступлений), идеологической или политической принадлежности (99 преступлений), в отношении какой-либо социальной группы (72 преступления) и в связи с расовой принадлежностью (39 преступлений).

По сравнению с 2018 годом в 2019 году в два раза увеличилось число преступлений экстремистского характера, совершенных организованными группами или преступными сообществами (с 44 до 66 преступлений). При этом в 2017 году зарегистрировано 21 такое преступление, а в 2016 году – 44. Указанный факт свидетельствует о повышении профессионального уровня экстремистов и стремлении к объединению, что должно нацелить усилия правоохранительных органов на данную тенденцию и принять меры для разобщения преступных группировок.

Рассматривая преступления, отнесенные к третей группе Перечня было установлено, что в связи с тенденцией к усилению контроля за оборотом оружия, ожидается снижение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. В 2019 году в ходе профилактических мероприятий было выявлено 23 588 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Наибольшее количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, совершено на территории Северо-Кавказского федерального округа.

Лидерами по количеству таких преступлений являлись республики Дагестан (1 632, –29,4 %) и Северная Осетия – Алания (1 297, +247,7 %). Из незаконного оборота главным образом изымались боеприпасы: в Республике Дагестан – 22 079 единиц, в Республике Северная Осетия – Алания – 14 656.

В 2020 году прогнозируется незначительное снижение количества преступлений в сфере незаконного оборота оружия, их число составит 26,2 тыс. (интервальные значения от 24,6 до 27,8 тыс.).

При анализе динамики экстремистской преступности и прогноза ее развития важным представляется учитывать происходящую в мире пандемию короновирусной инфекции и введенные в связи с этим ограничения.

Так, последствия пандемии COVID-19 оказывают глубокое воздействие на общество и экономику, и это также влияет на развитие преступлений экстремистской направленности. Организационные ответные меры в связи с пандемией и последующее изменение социально-экономических норм во всем мире повлияют на характер реагирования на них со стороны правоохранительных органов.

Ограничения на поездки и передвижение в общественных местах и резкое сокращение экономической активности и международной торговли тормозят экстремистскую деятельность. Однако это, вероятно, будет лишь краткосрочным воздействием, поскольку незаконные действия быстро восстанавливаются. Поэтому после снятия ограничений возможен рост рассматриваемой преступности.

Кроме того, обширные ограничения и закрытие границ для передвижения людей создали трудности в прибытии экстремистов на территорию Российской Федерации. Тем не менее, организаторы экстремистских сообществ могут попытаться извлечь выгоду из отчаяния мигрантов, оставшихся в России без средств существования и возможности вернутся на свою родину.

Ограничения, введенные для контроля над распространением коронавируса, создают новый спрос на киберэкстремизм, поскольку миллионы людей находятся в домашнем окружении, изолированы, скучают и ограничены в социальных потребностях. В связи с этим продолжится смещение преступной деятельности в сферу информационно-телекоммуникационных технологий, посредством которых осуществляются попытки распространения идей терроризма и экстремизма, приводящих к вовлечению в сообщества такой направленности новых членов, в том числе несовершеннолетних и молодежи.

Библиографический список:

1 О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: https://consultant.ru (дата обращения: 27.11.2020).

2 Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2014 г. Состояние

преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2015 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2016 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2017 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2018 г., Состояние преступности в Российской Федерации январь-декабрь 2019 г . [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 27.11.2020).

Мусаева Асма Гаджиевна
Доцент кафедры государственно – правовых дисциплин ДГУНХ (Дагестанский государственный университет народного хозяйства).
Musaeva ASMA Gadjieva
Associate Professor of state and legal disciplines of DHUNG.

УДК 341.9

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА, КАК ОДНОЙ ИЗ ОТРАСЛЕЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

THE CONCEPT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW AS ONE OF THE BRANCHES OF THE SYSTEM OF MODERN LAW

Аннотация: В статье раскрываются содержание понятия и сущность предмета учебной дисциплины и отрасли российского права –международного частного права. В статье также рассмотрены сфера действия международного частного права, понятие иностранного элемента, предмет международного частного права.

Resume: The article reveals the content of the concept and essence of the subject of the academic discipline and the branch of Russian law –private international law. The article also considers the scope of private international law, the concept of a foreign element, and the subject of private international law.

Ключевые слова: система права, отрасль права, международное частное право, гражданское, семейное, трудовое право.

Keywords: system of law, branch of law, private international law, civil, family, labor law.

В системе современного права международное право является областью права, регулирующей разные политические, финансовые и другие дела между странами, а также какими-либо иными образованиями, участвующими в международных отношениях. Термин «международное частное право» – американский, связанный с именем основоположника американской доктрины международного частного права американского юриста, члена Верховного суда США и профессор Гарвардской школы права Джозефа Стори, который впервые привел данный термин в комментариях к конфликтному праву (1834 г.). Позже, уже в 40-х гг. XIX в. этот термин был заимствован немецкими, затем французскими, итальянскими и другими учеными.

Международное частное право считается специальной системой права, существенным образом отличающейся от всех иных отраслей внутригосударственного права.

Одной из ведущих отраслей международного права является международное частное право, отрасль права, регулирующая определенные сферу общественных отношений, таких как гражданско-правовые, семейные, трудовые отношения, имеющие международный характер («отношения, осложненные иностранным элементом»), ведь по определению международное частное право это совокупность материальных и коллизионных норм, регулирующих гражданско-правовые отношения в широком смысле слова с иностранным элементом, а также порядок разрешения споров по этим отношениям.

Предметом международного частного права является регулирование гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом.

В глобальной правовой системе МЧП занимает особое место. Его основная специфика заключается в том, что МЧП — это отрасль национального права, одна из частноправовых отраслей права любого государства (российское МЧП, французское МЧП и т.д.). Оно входит в систему национального частного права наряду с гражданским, торговым, коммерческим, семейным и трудовым.

Другим названием данной дисциплины является коллизионное право, или конфликтное право, поскольку его основой являются коллизионные нормы, а метод регулирования - коллизионный.

Таким образом, категория «отношения, осложненные иностранным элементом» в условиях современной российской практики, носит нормативный характер, поскольку закреплена в ст. 1186 ГК РФ, ст. 414 КТМ РФ. Гражданские, трудовые, семейные отношения с иностранным

(международным) элементом можно определить, как разновидность отношений, регулируемых гражданским, семейным, трудовым законодательством, нормами международного права, сторонами в которых являются иностранные физические и юридические лица, иностранные государства, международные организации, а также иные гражданские, семейные, трудовые отношения, регулирование которых связано с обращением к иностранным правовым системам.

Указанное определение основано на делении частных отношений на внутренние и внешние.

Первые осуществляются в рамках юрисдикции одного государства, регулируются исключительно его внутренним (в некоторых случаях международным) правом и не связаны с иностранными правопорядками. Вторые так или иначе связаны с иностранным или международным правом в силу участия в них субъектов права иностранных государств, нахождения имущества на территории иностранного государства, наличия юридического факта за рубежом (иностранный элемент), а также участия в частноправовом отношении международных организаций (международный элемент), основная часть такого рода отношений подпадает под определение «отношения, регулируемые гражданским законодательством» (ст. 2 ГК РФ), поскольку они основываются на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников и осуществляются на территории РФ.

Развернутую характеристику отношений с иностранным элементом дал советский правовед, доктор юридических наук, профессор МГУ, Л.А. Лунц. По его мнению, «наличие иностранного элемента в гражданскоправовом отношении может выразиться либо в том, что субъектом такого отношения является иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо; либо в том, что объектом отношения является вещь, находящаяся за границей; либо в том, что юридические факты, с которыми связаны возникновение, изменение или прекращение правоотношений, имеют место за границей (например, договор или правонарушение совершены за границей...)».

Несмотря на то, что международное частное право и является в известном смысле интернациональной наукой, его понимание неодинаково, но во всех странах к предмету этой дисциплины относят решение коллизионных вопросов. Английская доктрина относит к международному частному праву вопросы юрисдикции, применения иностранного права и признания и исполнения иностранных судебных решений. Аналогичного подхода придерживаются американские авторы.

Помимо собственно коллизионного права во Франции к предмету международного частного права относят проблемы приобретения и утраты гражданства, в России - материально-правового регулирования частноправовых отношений средствами международных договоров (таких как Венская конвенция о международной купле-продаже товаров или конвенции о перевозках). Важно отметить и то обстоятельство, что в отличие от материального права международное частное право (если рассматривать его как право коллизионное) не дает решения, по существу.

Международное частное право лишь определяет применимое право для разрешения спора. В случае, если это право является иностранным, международное частное право говорит о применении иностранного права, ведь международное частное право... не имеет материального содержания. Оно не предлагает немедленного решения проблемы по конкретному спору, а действует опосредованно (косвенно). Оно лишь указывает на правовую систему, нормы которой подлежат применению для разрешения конкретного вопроса. Это методика, а не система материальных норм.

В числе прочего международное частное право исследует вопросы применения иностранного права на территории страны. В соответствии с доктриной суверенитета каждое государство само устанавливает «правила игры» для своих физических и юридических лиц.

Субъективные права участников, возникшие в одних государствах, в интересах развития международного права должны признаваться во всем мире, во всех государствах, независимо от формы государства.

В случае, когда под юрисдикцию государства подпадают иностранные физические или юридические лица, национальное государственное регулирование распространяется и на них.

Сила норм международного права и взаимная вежливость обязывают государства не предпринимать негативных действий по отношению к иностранцам. Более того, государства признают за иностранными лицами определенные права, возникшие у них на основании норм права другого государства. При этом государство признает лишь частные права, или права, основанные на нормах частного права: гражданские, семейные, трудовые. Признание за иностранными лицами их прав, возникших на основании иностранного закона, - частный случай допущения действия на

территории государства иностранных норм права.

Таким образом, коллизионное право - основная часть международного частного права.

Библиографический список:

1. Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. М.: Статут, 2018. 279 с.

2. Курбанов Р. А., Лалетина А. С., Гуреев В. А. Международное частное право. М.: Проспект, 2020. 216 с.

3. Родина М.Е. Международное частное право. Общая часть конспект лекций. Ростов на-Дону, 2014 год.

4. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: монография / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, Г.К. Дмитриева; отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. М, 2016. 208 с.

Мусаева Асма Гаджиевна
Доцент кафедры государственно – правовых дисциплин ДГУНХ (Дагестанский государственный университет народного хозяйства).
Musaeva ASMA Gadjieva
Associate Professor of state and legal disciplines of DHUNG.

УДК 341.9

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

PRINCIPLES OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Аннотация: В данной статье рассмотрены принципы международного частного права и раскрыто их содержание. Автор выделят специфику и особенности принципов международного частного права, рассмотрены основы правовые постулаты, приемы юридической техники, «юридические максимы».

Resume: This article discusses the principles of private international law and reveals their content. The author will highlight the specifics and features of the principles of private international law, the basics of legal postulates, techniques of legal technology, "legal maxims"are considered.

Ключевые слова: статута международного суда ООН, справедливость и воля добрая совесть, цивилизованные нация, римское право, реторсия.

Keywords: the Statute of the international court of justice, justice and the will of a good conscience, a civilized nation, Roman law, retorsion.

Принципами права принято считать руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе. С одной стороны, они выражают закономерности права, а с другой – представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют во всей сфере правового регулирования и распространяются на все субъекты.

Принципы международного частного права — это руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики, юридически закрепленные начала МЧП.

Основными (общими) принципами международного частного права можно считать указанные в п. «с» ст. 38 Статута Международного Суда ООН «общие принципы права, свойственные цивилизованным нациям».

Главным общим принципом международного частного права (так же как национального гражданского и международного публичного) является принцип «pacta sunt servanda» - договоры должны соблюдаться. Выделяют две группы принципов международного частного права.

Но в международном частном праве выделяют две группы принципов международного частного права. Это общие и специальные принципы права.

Общие принципы права – это общепризнанные правовые постулаты, приемы юридической техники, «юридические максимы», выработанные еще юристами Древнего Рима. Перечислим общие принципы права, непосредственно применяемые в международном частном праве:

1. принцип суверенного равенства всех государств -каждое государство обязано уважать суверенитет другого гос-ва, т.е. право государства в пределах собственной территории осуществлять законодательную, исполнительную и судебную власти без какого-либо внешнего воздействия со стороны других гос-в. Все государства юридически равны;
2. принцип неприменения силы и угрозы применения силы- оккупация территории другого гос-ва с нарушением норм международного права не допускается. Так же предоставление своей территории другому гос-ву, которое использует ее для агрессии против 3его гос-ва так же не допускается. Организация, подстрекательство и оказание помощи или участие в гражданской войне, террористических актах другого гос-ва, блокада портов и берегов не разрешается;
3. принцип территориальной целостности государств состоит в защите государства, его территории от любых посягательств;
4. принцип мирного разрешения между споров - цель принципа – поддержание мира и безопасности;

5. принцип уважения прав человека-права человека охраняются властью закона. Гос-во обязано обеспечить любому человеку правовую защиту.

Суть этих принципов сводится к тому, что нельзя передать другому больше прав, чем сам имеешь; принципы справедливости и доброй совести; принципы не злоупотребления правом и охраны приобретенных прав и др. Под «цивилизованными нациями» понимаются те государства, чьи правовые системы основаны на реципированном римском праве.

Специальные принципы международного частного права:

1. автономия воли участников правоотношения – это основной специальный принцип международного частного права (как и любой другой отрасли национального частного права). Автономия воли лежит в основе всего частного права в целом (принцип свободы договоров; свобода иметь субъективные права или отказаться от них; свобода обращаться в государственные органы за их защитой или терпеть нарушения своих прав);

2. принцип предоставления определенных режимов: национального, специального (преференциального или негативного), режима наибольшего благоприятствования. Национальный и специальный режимы в основном предоставляются иностранным физическим лицам; режим наибольшего благоприятствования – иностранным юридическим лицам (хотя данное положение не является императивным и юридические лица могут пользоваться национальным режимом, а физические – режимом наибольше благоприятствования);

3. принцип взаимности. В международном частном праве выделяют два вида взаимности – материальную и коллизионную. Проблемы коллизионной взаимности (или взаимности в широком смысле слова) относятся к коллизионному праву и будут рассмотрены ниже. Материальная взаимность в свою очередь делится на собственно материальную (предоставление иностранным лицам той же суммы конкретных прав и правомочий, которыми национальные лица пользуются в соответствующем иностранном государстве) и формальную (предоставление иностранным лицам всех прав и правомочий, вытекающих из местного законодательства). По общему правилу предоставляется именно формальная взаимность, но в отдельных сферах – авторское и изобретательское право, избежание двойного налогообложения – принято предоставлять материальную взаимность;

4. принцип не дискриминации. Дискриминация – нарушение или ограничение законных прав и интересов иностранных лиц на территории какого-либо государства. Общепризнанная норма МЧП всех государств – абсолютная недопустимость дискриминации в ЧПО;

5. право на реторсии. Реторсии – правомерные ответные меры (ограничения) одного государства против другого, если на территории последнего нарушаются законные права и интересы физических и юридических лиц первого государства. Цель реторсий – добиться отмены дискриминационной политики – ст. 1194 Гражданского кодекса.

Таким образом, исходя из выше перечисленных постулатов международного частного права, можно сделать вывод, что основной идеей и заключением к данной статье является, то что международное частное право строится исходя из положения, что главным принципом данной отрасли права является принцип суверенного равенства, неприменения силы, территориальной целостности, мирного разрешения споров, равноправия, сотрудничества, уважения прав и свобод.

Библиографический список:

Повтарева С.А. Теории происхождения государства // Академия маркетинга и социально – информационных технологий. №12. 2018.

1. Сабитова А.Р. Разграничение сфер международного публичного и частного права. 2017.№ 12 (15).

2. Трошкина Т.В. Соотношение частного и публичного права в РФ. // Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 3 (13)

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140

Научный юридический журнал «Юридический факт»
Кемерово 2020